

25 декабря

ИВАН ВОЛЬНОВ

Иван Вольнов

25 декабря

«Автор»

2023

Вольнов И.

25 декабря / И. Вольнов — «Автор», 2023

Что если бы вам предложили под микроскопом рассмотреть движения собственной души? Взглянуть на свою жизнь и ошибки прошлого из будущего? Так не бывает, скажете вы. Молодой писатель Иван Вольнов тоже не рассчитывал на такую возможность, отправляясь в психиатрическую клинику, для поддержания ментального здоровья, подорванного любовной зависимостью и алкоголем. И вот уже под покровом ночи, в разговорах с психологом и загадочными посетителями, преследующими его уже много лет, Иван ищет ответы на мучающие его вопросы о жизни и любви... И находит их, лишь повстречав себя самого из далёкого будущего. А поскольку наш герой — личность рефлексирующая, страницы книги пронизаны проникновенными размышлениями, тонким юмором, диалогами и стихотворениями, раскрывающими всю сложность его пути к самопознанию. «25 декабря» — не обычный психологический роман, это путешествие в глубины человеческой души, история о том, как трудно бывает отпустить прошлое и как важно найти силы простить себя.

© Вольнов И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Благодарности	5
1	6
2	9
3	14
4	19
5	25
6	28
7	32
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Вольнов

25 декабря

Благодарности

Благодарю своего верного друга и соратника на литературном поприще Панина Илью Вячеславовича за неумолимый вклад в разработку данного произведения. Его корректура и вычитка оказали неизгладимое влияние на конечную версию моей книги, а его чуткие советы помогли наполнить её живыми красками и новыми смыслами. Огромное количество запятых и прочих синтаксических решений – плод его усердного труда, но если вы всё же найдёте какие-либо пунктуационные погрешности, прошу вас смело обращаться к нему и поливать из всех орудий. Это, конечно же, шутка.

Также я хочу поблагодарить прекрасных героев моего произведения, ведь без них, сами понимаете, не образовался бы такой замысловатый и карикатурный сюжет, хотя, безусловно, я должен предупредить своих дорогих читателей, что данная книга является продуктом моего воображения и недюжей силы воли, дабы вытащить, выстрадать и сызнова передать атмосферу определённого этапа моей жизнедеятельности. Имена могут встречаться реальные, могут оказаться видоизменёнными, но нам ведь от этого ни горячо и ни холодно. Если вы найдёте этих людей, убедительная просьба, не сообщайте им о выходе моей книги. И это снова шутка. Конечно же, сообщайте.

Я желаю вам приятного прочтения и хочу подытожить свои благодарности одной знакомой и понятной для каждого цитатой: «И дай вам Бог того вдвойне, чего желаете вы мне». До встречи в первой главе!

1

– Доктор, вы даже вообразить себе не можете насколько у меня прекрасное настроение!
– Почему же... очень даже могу. За вами такое и прежде водилось.
– Но вы не понимаете! Я хочу петь и танцевать, и творить всякие там безрассудства! И писать стихи в конце концов!

– Стихи... мда уж, занятно. Но вы же вроде что-то писали недавно, или мне кажется?
– Писать то писал. Но ужас какой-то. Сущий мрак. Мне даже перечитывать стыдно.
– А теперь что вы пишете?
– Ознакомьтесь, пожалуйста...

(Минуты молчания могли показаться вечностью, если бы, конечно, хоть кто-то из нас имел представление о значении этого слова).

– Ну как вам! Как вам?
– Занятно. И вроде не пьяный... а ну-ка дыхните. Ладно. Долго увиливать не буду – мне понравилось. За одним исключением...

– Это каким же?
– Такие стихи обычно пишут пьяные школьники. Ну или влюблённые молодые люди. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

– Как вы можете! Да это уже ни в какие ворота! Пьяные кто? Молодые что? Вы это мне!?
– Прошу прощения, вероятно, я выбрал не очень корректную формулировку. Стихотворение хорошее, спору нет, с точки зрения написания. Лингвистически не к чему придраться. Но вот посыл... и общий смысл... как бы вам это объяснить...

– Ну уж как-нибудь постарайтесь. Или вы и впрямь удумали меня оскорбить.
– Ваше стихотворение выглядит так, будто вы посвятили его одной теме, но, опасаясь быть раскрытым и уличённым, замаскировали его под свою привычную, фундаментальную философию. Человек не знающий вас, скорее всего, отнёс бы это произведение к разряду позитивных, миролюбивых, душеподъёмных повествований. Но что до меня... я уже давненько копаюсь в вашем творчестве. И с уверенностью могу сказать, что никакой философской мысли, на самом то деле, в этом стихотворении нету. Речь идёт о симпатии к девушке.

– О чём идёт речь? Не смешите мои титановые винтики: плечо сейчас отвалится от смеха. Да скорее Леброн вернётся в Кливленд, нежели я позволю себе столь никчёмную, столь мешанскую забаву. Симпатия к девушке... нет, ну вы на него посмотрите. А ещё психоаналитиком себя называет.

– Позвольте я вас поправлю. Леброн уже возвращался в Кливленд, относительно недавно, и нету никаких гарантий, что не вернётся вновь. Так стало быть...

– Стало быть что?
– Есть вероятность, что даже вы, с вашей неукоснительной верой в любовь к своему собственному отражению, чисто гипотетически, ненароком, могли случайно...

– Это исключено. Я целиком отдаю себе отчёт в своих действиях. Более того, я прекрасно осознаю, что я пишу, когда я пишу, и зачем я пишу. Ваши догадки не имеют никакой существенной почвы.

– Я вынужден поправить вас вновь. Каждый год, уж много лет, когда подступает та самая дата...

– Не продолжайте! Я не хочу обсуждать с вами этот детский лепет. Я пришёл к вам в поисках силы, мотивации для изучения потаенных уголков моей бездонной души, а вы, как бабка у подъезда, наслушались сплетен и давай находить к ним разумные объяснения. Слышать подобного не желаю!

– С вашего позволения, я всё же продолжу. Каждый год, в декабре месяце, когда подступает та самая дата...

– Да знаю я эту историю получше вашего! Каждый год я впадаю в депрессию, ухожу в длительный запой, ненавижу всё и всех и не имею ни малейшего желания, чтобы кто-то вроде вас напоминал мне об этом. Я всё это уже проходил. Поверьте мне на слово – никакой взаимосвязи вы не найдёте.

– В прошлом году, опасаясь приближающегося кризиса, вы подыскивали себе подходящую кандидатуру, чтобы пережить этот месяц. Как же её звали-то... То ли Лиза, то ли Анфиса. А может быть... Алиса!

– Совпадение.

– В позапрошлом году, в том же самом месяце, на её месте была некая Наталья.

– Это случайность.

– В поза-позапрошлом году, надо же, официально на вашем любовном фронте была тишь да гладь...

– Ну вот видите! О чем я вам говорил? Простые совпадения.

– Потому что человек, который был выбран на декабрь, не дотянул до положенной даты. Вы, кстати, тогда разговаривали сами с собой. И да... у вас была внушительная коллекция пустых бутылок под кроватью. Вы даже не могли их вынести за один присест: настолько они были тяжёлые.

– Это всё... знаете... это всё блеф. Вы просто нахватили каких-то случайностей, припарили их парочкой очевидностей, подсыпали щепотку «психоанализа» и замешали в своём бездушном шейкере. Но полученное смузи не имеет ничего общего с реальной жизнью. Это лишь ваши выдумки.

– В две тысячи восемнадцатом году на их месте была Александра. Правда уже в своём прощальном ампула. Но тем не менее этого хватило, чтобы выполнить свою миссию. А в декабре две тысячи семнадцатого, помните? Как она вовремя спасла положение. Что же случилось за год до этого...

– Хватит! Я с самого начала сказал, что не имею ни малейшего желания обсуждать эту тему ни с вами, ни с кем бы то ни было еще. Вам нравится играть в психоанализ? Ну так извольте – играйте себе на здоровье. Но меня в свои сказки не впутывайте. Я точно знаю, что в этом мире было, а чего в нем никогда не случалось. И, уж тем более, не имею никаких значительных проблем с памятью.

– Хорошо, хорошо. Как вам будет угодно. Давайте, действительно, отбросим все эти несущественные бредни, уберём конспирологическую мишуру и вновь вернёмся к старой доброй науке.

– Ну Слава Богу. Я уже хотел уходить: утомили не представляете как.

– Ещё как представляю. Все эти имена... в один и тот же месяц... в каждом году... приблизительно в тех же числах... конечно же совпали – чем чёрт не шутит, старина. Вот только есть ещё одно интересное наблюдение...

– Опять вы за своё!

– Когда год заканчивается – все эти девушки исчезают. Как по мановению палочки. Будто их никогда и не было. И ни слова, ни упоминания, ни фотографии – ничего не остаётся... в каждом январе.

– На что вы намекаете?

– Я уже ни на что не намекаю. Вы же хотели говорить голосом разума, а не примитивными бабкиными сплетнями. Каждая из этих девушек выполняла одну и ту же задачу. Из года в год. Из месяца в месяц. Каждое двадцать пятое декабря, с самого утра, вам приходило сообщение от одной из них, напоминающее вам, что этот год вы не заканчиваете в одиночестве. А если учесть, что за дата двадцать пятое декабря... для всего нашего мира... вы ведь любите даты.

Вы же учили их с самого раннего детства. Вы помните все. Но конкретно эта – ассоциируется у людей с Рождеством. А у вас оно двойное. В тот день вы родились снова. Шесть лет тому назад... уже немного осталось.

– Я не искал девушку на декабрь. Я вообще ни на какой месяц её не искал. Мы просто случайно познакомились, и мне показалось, что мы неплохо ладим. Это всего лишь веселое времяпровождение, не более того.

– Вы говорили так и в прошлом году. И в позапрошлом. И в поза-позапрошлом. Просто хорошее настроение, просто написали девяносто девять депрессивных стихов за год, а вот сотовое вышло на удивление радостным. Ещё и в декабре. И ведь никогда такого не было. И вот опять...

– Вы делаете из меня монстра! Своими спорными аргументами вы пытаетесь подвести к тому, что всё это было подстроено, что это ни месяц декабрь сам по себе ублюдский месяц, а я его делаю таким! Ну так вот – тут я вас не обрадую. Много кто не любит декабрь. Он либо холодный, либо морозящий. Столько дел нужно успеть переделать до конца года. А эти дедлайны, цейтноты...

– Большинство людей любят декабрь. Он напоминает им приближение праздника. Вы когда-нибудь слышали о новогоднем настроении?

– Не держите меня за идиота.

– Никто вас за него и не держит. Но теперь вы уже не спорите с тем, что в вашем новом, радостном, пропитанном светлой лёгкостью стихотворении никакой философии, по сути своей – нет. Вы написали о любви. Как и много лет подряд... Потому что вы нашли кандидатуру на этот месяц. Ваша депрессия отступает. После Нового года надобность в костылях отпадёт. Никакого продолжения не последует. Девушка исчезнет. И вы снова вернетесь к своему отражению.

«...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковёркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И – разбитое зеркало...»

Сергей Есенин
Декабрь 1925

2

- Он всё так же упрямится?
- Да. Но у него заканчиваются ходы. Мы вышли в эндшпиль.
- По-вашему, игра подходит к концу?
- Да. Но я побоюсь называть приблизительную дату. Этот пациент всегда славился своей непредсказуемостью.
- Что за девушка на этот раз?
- Да какая-то коллега с работы. Ничего нового. Хоть в чём-то он себе не изменяет.
- Стратегия та же?
- Шуточки-прибауточки, непомерное самомнение, окутанное лоском иронии и сатиры. Методика отточена до блеска.
- Они много общаются?
- Да, каждый день. Особенно ночью. Единственное – он перебрался в Telegram. Думал мы его не достанем (хах).
- Забавно. Свидания уже осуществлялись?
- Да. Времени у него в обрез, пространства для манёвра не остаётся. Лобовая атака неминуема.
- Что мы будем делать?
- Ждать.
- И всего-то? Может подкинем хоть парочку затруднений для затравки?
- Он проторчал на этой работе на месяц дольше. Сказал, что нужно выиграть время для поисков нового места – вот умора!
- И ведь они все повелись. Я его просто обожаю.
- Ещё что-нибудь?
- У неё есть какой-то там мальчуган. Но он уже сбитый лётчик.
- Ты в этом уверен?
- Абсолютно. На его фоне – наш пациент, как глоток артезианской в Сахаре.
- Уж сколько лет за ним наблюдаю и диву даюсь: как он всё это обставляет?
- Старая методика. Можно сказать иудейская. Он говорит правду, но люди искренне верят, что он шутит. И чем страшнее правда, тем громче люди смеются.
- Но ведь невозможно в упор не замечать очевидного! Все эти числа, месяцы, имена, названия. Все эти строчки, подгаданные моменты. Неужели никто даже не задумывался?
- А чему ты удивляешься? Ты ведь не обращаешь внимание на то, с какой стороны дворник начинает мести свой двор. Или по каким дням продавщица табачного ларька задерживается на 10–15 минут и пялится в экран своего смартфона. Или почему патрульная машина каждый раз проезжает по одному и тому же маршруту и никогда не меняет своего направления (хотя, казалось бы, больше новизны, больше новой информации).
- Привычки?
- Да и они тоже. Сохранённые паттерны, отполированные до блеска. Ты и сам не замечаешь в какие моменты ты ковыряешься в носу, а в какие – скрещиwaешь руки на груди. Но стоит тебе просмотреть документальный фильм в свою честь, как неожиданно откроешь для себя много нового.
- Значит и с ним та же песня?
- Безусловно. Есть люди, работающие как механизм. А есть те, кто эти механизмы конструирует. Винтик за винтиком, шуруп за шурупчиком.
- Значит, он выше всего этого?

– Да нет же! Он-то как раз действует также, как и остальные, только, в отличие от повторения старого, он создаёт новые механизмы повторений. Но модель-то при этом не меняется! Движок-то у них одинаковый (хах).

– Я что-то запутался.

– Ну смотри: ты можешь учить стихи – тщательно, скрупулезно, даже маниакально. А он учит новые способы запоминания стихов, а уж сами то стишки... идут во вторую очередь.

– Какая-то бессмыслица...

– Ты разгоняешь частицы в коллайдере. А он придумывает новые способы разгона частиц в коллайдере.

– Но ведь он же не физик-ядерщик!

– Но ведь и мы с тобой не следователи СКР.

– Ему сказали, что психотипов всего десять – и он тут же придумал одиннадцатый. Ему сказали: «Ладно, кто-то говорил, что их может быть на один больше». И он придумал двенадцатый!

– Вот так уже теплее. Это как... Мюнхгаузен, что ли? Придумал тридцать второе мая?

– Что-то из этой серии. Он не может создать новую модель человека, но он может наделять его принципиально новыми характеристиками, противоречащими его естеству.

– А что это даёт?

– Власть. Когда человек начинает верить в свои несуществующие добродетели или из ряда вон выходящие изъяны – он принимает правила игры. Фигуры на шахматной доске выстраиваются в том порядке, в котором их выстроил инициатор партии. Хотя шахматную доску и сами фигуры он, конечно же, не придумывал.

– Но это манипуляция чистой воды. Чего уж тут такого принципиально нового и претенциозного?

– А то, что манипулятор не держится за правила собственной игры. Финал ему ясен и очевиден, но цель достигается не посредством побед и поражений на доске, а общим самочувствием в результате законченной партии.

– То есть... он может проиграть?

– Не просто может – зачастую он так и делает. Его оппоненту кажется, что со смертью короля игра заканчивается. Но ведь так бывает только в шахматах. А он не шахматист. И не физик-ядерщик.

– Проигрывая партию, он предлагает сыграть еще одну?

– Нет. Он ждёт куража от наступившей победы своего оппонента и только тогда достигает своей цели.

– А если никакого куража не будет и в помине? Что если перед ним обычный скептик, ленивый и не удручённый излишним бахвальством?

– Значит, пациент признает, что по тем правилам, по которым они играли, безусловно, победа оказалась не на его стороне. Но вот по другим... оппонент опростоволосился.

– У меня сейчас мозг взорвется. Если в бою один человек заколет саблей второго – победа остаётся очевидной! На неё нельзя посмотреть под другим углом. Это противоречит законам природы.

– Да. Если цель второго была в том же. Заколоть первого. А что если он хотел умереть в этом бою...

– Пусть даже так. Идея с целью мне ясна. Но если он погибает – он же больше не может придумывать новых правил, совершать ходы, да и вообще играть, в конце-то концов!

– Поэтому он и не дерётся ни с кем на саблях! Тебе кажется, будто ты его опередил, предугадал, просчитал наперёд. Ты победоносно сбиваешь его короля, как вдруг выясняется, что игра велась не с тобой! Кто-то другой наблюдал за вашей игрой, а наш пациент всего лишь привлекал его внимание! Он не задаётся вопросом: как бы ему всегда побеждать. Его интере-

сует – как бы ему никогда не проигрывать. Для этого и существуют правила. Его правила. А игра может вестись с тобой, со мной, с нами обоими – да с кем-угодно, но мы никогда не будем знать наверняка, кто его главная цель, каков его план на этот день.

– Жертвуя пешкой... Бобби Фишер... гениально. Что же случилось в декабре две тысячи шестнадцатого?

– Ты знаешь.

– Я имею в виду – с точки зрения его «правил», его «стиля игры». Бог его знает чего.

– Он блестяще выиграл партию. Но не достиг своей цели.

– А цель его... я уже даже не знаю, о ком мы говорим. Что здесь, чёрт подери, происходит.

– Цель – не конкретный человек. Цель – просчитать все возможные ходы, выложить все существующие ловушки, заполнить всё пространство вариантов.

– Аа... Трансерфинг реальности¹... Припоминаю... Всё было так просто. Загадка зрителя... он не хочет быть зрителем. Или читателем. Он хочет загадывать загадки. А ответов на них не существует, ведь важно не то, кто выиграл партию или проиграл. Важно – как ты себя после этого ощущаешь.

– Даже если бы ответы существовали, даже если бы первичная цель была достигнута – всё это меркнет под его подлинным желанием перевернуть всю структуру своего мышления.

– Все эти партии... это же просто модели... а эти люди... просто нанятые актёры... а шахматы...

– Это наш разум. Сначала ты учишь стихи, затем рассказываешь другим как правильно учить стихи, и лишь потом задаешься вопросом – зачем мы вообще учим стихи? Сначала ты переживаешь расставание, затем учишься избегать расставаний, и лишь потом спрашиваешь себя: а что такое расставание? И существует ли оно как таковое. «Cogito ergo sum»². Если мысль жива – значит у неё есть своя объективная реальность. Значит где-то во вселенной существует тот самый плод нашего воображения. Просто он удалён от наших глаз. Ведь наличие потолка в нашей квартире не означает отсутствие звёзд за её пределами. А если слепой никогда не видел окружающей его действительности – значит ли это, что никакой реальности вокруг не существует? Всего лишь додумки, вымыслы, представления...

– Но ведь мыслей бесчисленное множество. Разве можно вообразить себе каждую отдельную реальность для каждой проскользнувшей фантазии?

– А тебе и не понадобятся все. Бери только те, что покажутся интересными, и развивай их до полного абсурда, пока из твоего гаража не покажется Генри Форд на своём первом в истории человечества автомобиле. Или Гагарин не полетит впервые в космос. Сущий абсурд, самые глупые, несуразные домыслы могут завести простого человека так далеко, что он и сам усомнится в здравости своего рассудка. Зато однажды, ужасный сон, что веками считался посланием богов и вмешательством потусторонних сил, окажется ничем иным, как игрой нашего бессознательного. И родится психоанализ.

– Подъем! Я кому говорю, уважаемый!

– Что случилось? Где я?

– Там же где и были. Я только начал читать ваше стихотворение, как вы пробормотали что-то про вечность и уснули прямо здесь. Я уж не стал вас сразу будить, пожалел. Но имейте совесть, мне тоже домой уже пора.

– Как вам стихотворение?

– Очень красивое. У вас явно намечается прогресс. Я бы даже сказал, что вы превзошли все мои лучшие ожидания!

¹ Эзотерическое учение, созданное в 2004 году на основе одноимённой серии книг за авторством Вадима Зеланда.

² «Я мыслю, следовательно, я существую». Рене Декарт.

– Надо же. А я уж боялся, что вы докопаетесь до какой-нибудь строчки и будете часами развивать из неё целую историю.

– Почему вы так решили?

– Это ваш излюбленный метод. Вы же не скрываете своих симпатий к Фрейду и его последователям. А мне так не хочется погружаться во всю эту муть.

– И не стоит. Кстати говоря, приближается сочельник. Не могу не поинтересоваться, не поймите меня превратно, у вас уже есть планы на этот день?

– Понимаю причину вашего беспокойства. Но можете не переживать – с Рождеством у меня полный порядок.

– Рад это слышать. Всегда лучше с кем-то, чем с бутылкой наедине. Но это я так, к слову.

– Вот-вот и я того же мнения.

– Тогда удачной вам игры...

* * *

Их архивов, датируемых 02.12.2022:

«Твоя звезда зажжется, милый путник,
Ещё чуть-чуть, немножко обожди,
Ты знаешь – потухает и Везувий,
Когда его покоцают дожди.
Сложнейший путь, серьёзные раздумья,
Вокруг лишь перепутье и бедлам,
За то, что всё прошло – не обессудьте,
За всё, что ещё будет – буду рад.
Звезда придёт, но дай ей укрепиться,
Ну мало ли, запуталась она,
Несёт её сквозь время колесница,
Немало вёрст, так в чём её вина?
Придёт... как нам вручали аттестаты,
Придёт, как долгожданный детский смех,
Придёт, как на балу сомкнутся пары,
Поверь же, зажигается у всех.
Я знаю: наши часики не дремлют,
И все они – не против, не за нас,
Ты только не чрезмерствуй своей ленью,
И всё оно случится в один час.
Быть может завтра, я не отрицаю,
А может месяц, годик пробежит,
А может будет длиться ожидание...
Пока живешь – ты знай, что ещё жив.
Я знаю: терпеливость не уместна,
Но помнишь, как вручается диплом?
Ты думал, что зима продлится вечно,
Но знаешь: всё случается потом.
Не к месту, нет, не к времени, не к спеху,
Она придёт, но не оповестит,
Не дай ей раньше времени померкнуть,
Она читает все твои стихи».

3

- Тебе удалось раздобыть копию?
- Естественно.
- Ну так что там?
- Как бы тебе это лучше передать...
- Ну не тяни кота за...
- Я видел его работу. Док был прав – она не философская.
- Ну значит всё сходится? Наши предположения оправдались?
- Не совсем.
- Да ладно тебе. Нельзя же быть настолько скрупулезным. Он тоже человек: ну проболтался (или описался). Не знаю, как правильно. Маскировал, маскировал, да не замаскировал. Нас же четверо, а он один.
- Ты не понимаешь. С этой работой что-то не так. Она слишком позитивная. Слишком жизнерадостная.
- Биполярка?
- Нет. Он пишет произведения такого рода, но не из этой серии. Даже в самых добрых и простодушных вещах всегда найдётся местечко для «смерти», «безысходности», «негативизма», «хтони». Даже в самом экзальтированном! Он не умеет писать по-другому.
- Ну может научился... столько лет прошло. Делов-то, писал все время про А, а тут выдал про Б. Он же такой непостоянный...
- Клиническая картина именно для этого и существует. Все его движения в сторону, все прорывы, неожиданные повороты – уже входят в нашу систему координат. Как НДС входит в итоговую стоимость. Как те 5–10 % сверху, что закладывают в цену, опасаясь воровства. Как излишки, проговариваемые перед утверждением бюджета. Мы об этом знаем. Но здесь иная ситуация.
- Так в чём же она «иная»?
- Это может показаться глупым, но мне кажется, оно не законченное. Или связующее с чем-то ещё.
- Про незаконченное не верю. Он такие всегда удаляет. А вот связующее... занятно. И с чем же, и что конкретно оно связует?
- Я не знаю. Других работ нет.
- Мы в тупике?
- Отчасти. Но шансы всё ещё есть. Время не на его стороне.
- Думаешь, он успеет написать что-то ещё?
- Вот это уже в его стиле. Не удивлюсь, если в самый последний момент так и выйдет.
- А мы успеем с ним ознакомиться?
- Да откуда я знаю! Ну допустим нет, дальше-то что?
- Мы не сможем повлиять на ход событий. Встреча состоится и снова отбросит нас на целый год.
- Что ты предлагаешь сделать?
- Да что угодно. Он же обожает символы, знаки, знамения. Ну давай подкинем ему новых дурных снов, поставим скорую у его подъезда, подтасуем вкладки в Яндекс. Запустим паранойю, так сказать.
- Не сработает. Раньше ещё могло, но сейчас... он сам придумывает себе знаки, сам выбирает в какие сны верить, а на какие не обращать внимание. У него новые правила игры.

– Да чёрт подери! Как же он достал. Почему нельзя просто вернуться в тот день, отмотать на шесть лет назад и отменить их встречу! Помешать ей! Хоть гриппом заразить, ей Богу. Ну что за клоунада!?

– Ты говоришь разумную вещь, но вот проблема – без этой встречи, не будет ничего. Вообще ничего.

– В каком это смысле?

– В самом прямом. Все проблемы начались с того дня – это факт. Они прогрессировали, наслаивались на другие, прорывались из ниоткуда и портили нам все карты. Да, это правда. Но ведь помимо них, были и положительные стороны – он начал писать. Очень много писать. Он начал думать. И не как до этого, а по-настоящему. Упорно и настойчиво. Ежечасно, ежесекундно. «Продуктивно» думать. А все великие творения, научные изыскания, новые модели восприятия окружающего мира произрастают именно из мысли. Из первичного импульса. Тебе ли не знать?

– Я понимаю о чём ты. Даже поддерживаю. Но ведь мы же не можем вечно наблюдать одну и ту же картину из года в год, сидеть сложа руки и ничего не делать. Не знаю как ты, но я лично уже на грани.

– Ты на грани – не потому что ты это «случайно» почувствовал, а потому что он установил для тебя такую грань. Если мне не изменяет память, по договору мы имеем право доводить его до ручки, и сами можем потихонечку сходить с ума. Но мы не сможем пробить барьер его подсознания. Это не в нашей компетенции. Мы же, как простуда, как прыщ, как герпес. Мы можем донимать, но всегда должны уходить в своё время. И затем возвращаться...

– Сколько ещё мы будем возвращаться?

– Пока он жив.

Дверь кабинета была не заперта. Доктор собирал свои вещи, что-то бурчал себе под нос, как вдруг...

– Слушай, док, у меня вопрос по поводу последнего произведения...

– Которого из?

– В смысле которого? Ну последнего, естественно.

– Того, что я вам прислал?

– А ты от нас что-то утаил?

– Ни в коем случае. Но как бы сказать поделикатнее...

– Не говори, что он написал новое!

– В точку. Ещё какое!

– Тоже радостное? Веселее предыдущего?

– Нет. Мрачное. В своём духе.

– Ну Слава Богу. Значит это была ложная тревога?

– Как знать, как знать...

– Ну не томи же! Что у тебя на уме?

– Произведение слишком конкретное, слишком понятное. Я бы даже сказал – прямолинейное. Он буквально написал «Письмо к женщине»³.

– Да уж. Ну хоть в своей стилистике? Много образов приплёл на сей раз?

– Увы. Адресат только один.

– В смысле адресат?

– Ну додумай: если «Письмо к женщине», соответственно, его доставляют адресату. Какой-то конкретной женщине.

³ Произведение С.А. Есенина

– Теперь понял. Ну имя там не фигурирует, я уверен. И вряд ли какие-то внешние характеристики. Хотя вот интересно – почему он никогда не детализирует людей? Разве ему не хватает воображения?

– Хватает. Но для него это ничего не значит. Они могут быть разные: и высокие, и низкие, и худые, и полные, и блондинки, и брюнетки. У него не существует «определённого» типажа. Как и представления о таковом.

– На что же он обращает внимание?

– Мимика, жесты, движения. Он их фиксирует, как кобра.

– Странно. Та девушка, которой (естественно) он посвятил своё новое произведение, не обладает внушительным набором широких жестов и резких движений. В чём секрет?

– Движения не должны быть резкими, или, как ты выразился, «широкими». Они должны быть конкретными.

– И какие же, конкретно, движения его интересуют?

– Движения защиты.

– То есть...

– Закрытая поза, ладонь прикрывает лицо, человек шарахается от прикосновений, опущенные плечи, редкое моргание. Общая слабость, одним словом.

– И зачем же ему такой «батальон» из слабаков?

– Ты не представляешь, что может скрываться за этой слабостью. Ты и вообразить себе не можешь, на что способен человек, который с виду, как пушинка на одуванчике – дунешь и улетит. Такие люди способны на невероятную жестокость, немыслимую, нелогичную, нерациональную. Ты даже не поверишь в это, пока не столкнёшься.

– Ты подразумеваешь, что они способны на убийство?

– Возможно. Но дело не в этом. Эти люди, прикрываясь общей «слабостью» и безоружностью, проворачивают делишки почище нашего пациента. Очень редко. Зато как эффектно. Как взрыв атомной бомбы.

– А ему-то какой прикуп от таких людей?

– Он этого не знал, пока сам не столкнулся и не поверил. Но затем... что-то там сломалось внутри. Появилась неуверенность, осторожность, брезгливость, паранойя. Ты вообще обращал внимание, как он быстро говорит? Как он машет руками? Как он дергается, как он весь трясётся? Как будто его чем-то накачали. Он всегда в защитной позе, он всегда наготове. Руки впереди он держит автоматически, не осмысленно. Его подсознание ждёт нападения, и он всегда к нему готов. Даже слишком готов.

– Похоже на психологическую травму.

– Это она и есть. Не самая уникальная, не самая из ряда вон выходящая. Хоть в чём-то он не новатор.

– Если его движения резкие, а ищет он медленных и неуверенных – он тем самым сохраняет баланс (хах)?

– Нет. Ему просто нравится взрывной потенциал внутри таких людей. Особенно когда они этого не знают, а он уже прекрасно осведомлён. Опасность, в его понимании, не должна носить пистолет или отраживать клыки. Опасность кроется внутри самых бытовых, самых безобидных вещей.

– Я знаю, я много раз интересовался... и не только у тебя. Но всё же. Что случилось шесть лет тому назад? Почему это происходит? Зачем всё это нужно?

– Игра должна быть закончена. Он одержим ей. Беда не в том: проиграл он или выиграл. Он просто ее не закончил.

– Но ведь годы идут. У него столько этих игр. По одной на каждый день недели, а то и по три. Зачем ему отыгрывать, выигрывать, проигрывать (не важно) в одной конкретной! Какой в этом практический смысл?

– Закончив игру, он наконец-то освободится. Всё закончится. Как для него... так и для нас.

– Мы исчезнем?

– Безусловно.

– А он?

– Скорее всего. Но не могу давать каких-то точных прогнозов, я не экстрасенс. Игра – цель всей его жизни, остальное не имеет такого фундаментального значения и магического свойства. Когда игра заканчивается – на мониторе появляется надпись «The end». И компьютер выключают.

* * *

Из архивов, датируемых 23.12.2022:

«Прошли уже веселые года,
Ушло лет шесть, а может целых десять,
Я столько не смог тебе сказать,
Попробую исправиться я в песне.
Безумием хотелось бы назвать,
Всё то, что с нами было уже после,
Мне часто вспоминаются слова,
Про календарь, про третье и про осень.
Конечно, ничего я не достиг,
Ну так... скорее как-то, где-то, с чем то,
На всё у этой жизни есть мотив,
Вокруг же нас не кружится планета.
Конечно, мне печально, нету слов,
За каждое мгновение разлуки,
Хотя я был занятный голослов,
Но что теперь... теперь умою руки.
И буду честен – я, конечно, смертный,
И время неподвластно, даже мне,
Вокруг меня не крутится планета,
Да я её крутить то не хотел.
Я знаю, ты всегда в убойном ритме,
Поймать тебя не выйдет у кулис,
Спасибо, что снималась в моем фильме,
Среди достойных, выбранных актрис.
Я знаю, что любовь твоя не та,
Тебя переиначить невозможно,
Мне жаль, что ничего ты не смогла,
Но ведь и я... и я, конечно, тоже.
Я знаю, ты не вспомнишь, не придёшь,
И даже не поздравить с Днём рождения,
Тебя любить, мне было невтерпёж,
И знаешь, я об этом не жалею.
Твоя любовь другая... и не та,
Но в этом мы немножечко похожи,
На ветер разбросала ты слова,

Но ведь и я... и я, конечно, тоже.
Прошло шесть лет. А может, было десять,
Прошли века и целая эпоха,
Мне жаль, что эти годы мы не вместе,
А кем в итоге станешь... стану Богом.
Я много натворил, набезобразил,
Хотя, ты переплюнула с лихвой,
Среди моих немыслимых ненастий,
Мне жаль, что не делю я их с тобой.
Мне жаль, что наша радость, не совместна,
Ведь мы не совместимы, хоть убей,
Но я любил. И искренне, и честно,
И здесь ошибки не было моей.
Я помню день. И снова он подходит,
Но он достоин моего календаря,
Мы встретились и вышла наша повесть,
На двадцать пятый день от декабря».

4

Из особых архивов, датированных 24.12.2021:

«Моя дорогая Энн. Сегодня у нас годовщина. Ровно пять лет как мы с тобой познакомились. Завтра будет пять лет, как мы начали наши непродолжительные, тяжёлые, грустные, но самые счастливые отношения в моей жизни.

Моя дорогая Энн. Я не забывал тебя ни на день. Твои глаза, твой смех, твои эльфийские ушки – до сих пор беспокоят меня во снах. Я постоянно пытаюсь тебя обнять, что-то сказать, уловить твой быстрый, чуть стеснительный взгляд. А затем я просыпаюсь с отчетливым, холодным пониманием, что обнимаю я – пустоту. Твои слова, твои жесты, твой смех – так и не смогли рассеяться в моей голове. Твоя фигура, твоё чувство юмора, твои бойкие фразочки – до сих пор находят отголосок ностальгии в моей душе.

Моя дорогая Энн. Ни для кого не секрет, что никого в своей жизни (кроме своей семьи) я не любил так сильно, так трепетно и нежно – как тебя. Ни над кем так не трясся, ни за кем не бежал на край света, ни по ком так не убивался – как по тебе.

Моя дорогая Энн. Твоё солнце, что озарило однажды мою тусклую жизнь, так и не смогло померкнуть. Воспоминания о тебе превращаются в эпос, стихи, забавные истории и самую мыльную сопливую мелодраму. Мою мелодраму. Моё счастье, отвечать на вопрос: «Вы когда-нибудь любили по-настоящему?» – утвердительно. Моё счастье – наши совместные фотографии, сотни моментов неопороченных временем, десятки приятных и добрых мгновений в моей голове.

Моя дорогая Энн. Я не исправился. Все мои пороки, страсти, психические недостатки – переросли в нечто ужасное. Я до сих пор не стал тем человеком, которым мечтал когда-то стать, находясь рядом с тобой. Я до сих пор не смог... не сумел. Меня очень часто сбивает с пути, я постоянно стою перед тяжелым выбором. Над моим гнездом кукушки пролетают тысячи дементоров. Но я до сих пор пишу о тебе. Я до сих пор ставлю тебя в пример, поминаю добрым словом, отгоняю твоим именем дурные мысли, радуюсь проживанию с тобой на одной планете.

Моя дорогая Энн. Мне часто кажется, что я безнадёжен и до одури испорчен. Что моя миссия на земле: жалкое, ничтожное спотыкание о тень себя прежнего. Мне чудится, будто я совсем из себя ничего не представляю и смысла в моем существовании нет. Но вопреки всем прогнозам и неврозам, я всё ещё жив. Я пою свои и чужие песни, радуюсь каким-то глупым и банальным мелочам, стараюсь поступать по совести, пусть и не всегда удаётся: пусть и частенько попадаю впросак, пусть и прогрессирую в своих безумствах. Вопреки всему на свете, я вспоминаю маленькую девочку, которая никогда ничего не боялась, которая боролась за свои права, которая не шла на компромиссы со своим внутренним естеством, которая никогда не сдавалась и одним своим словом могла управлять десятками людей. Я вспоминаю женщину, рядом с которой я просто пустышка, просто маленький мальчик (хоть и был, в своё время, крупнее раза в два), просто сбой системы, случайный попутчик, рядом с такой серьезной и величественной

барышней. Когда становится совсем трудно, я вспоминаю, как она смотрела на меня. Как на героя, как на Льва, как на отца народов, который что-то из себя представляет, который всё ещё что-то может, который право имущий, и который – настоящий. Мне очень сильно не хватает того парня, которым я был когда-то – мне не хватает меня прежнего. Но эту нехватку, я уверен, восполнить чуточку проще. А вот вернуть ту маленькую девочку, ту грациозную леди, ту непоколебимую Жанну д'Арк – не представляется возможным. Но ничего, моя дорогая Энн. Моя милая Анечка. Спасибо что поучаствовала в моей жизни, спасибо за каждый день, проведённый со мной, спасибо за каждое твоё слово и каждый твой смех.

Сегодня ровно пять лет как мы познакомились с Анечкой. А завтра будет пять лет, с того момента, когда я почувствовал себя по-настоящему счастливым».

- Узнаёте почерк?
- Нет.
- А если приглядеться повнимательнее.
- Текст напечатан, а не написан. У него нету никакого «почерка».
- Ну не юлите. Вы же понимаете, о чём я.
- Нет, не понимаю. Как и причину моего местонахождения в вашем кабинете.
- Вы сами ко мне обратились.
- Я разочарован в ваших услугах.
- От чего же?
- Вы не помогаете. Вы просто с умным видом слушаете мои слова, а потом отвечаете: «Занятно, интересно». С моей точки зрения – это не профессионально.
- А вы профессионал?
- Если бы я им был, ноги бы моей здесь не было.
- Что ж, так как же вы изволите проводить своё лечение?
- Стремительно. Молниеносно. Не отвлекаясь на пустяки, не копаясь в малозначительных инсинуациях.
- Вы, действительно, считаете, что ваши записки, ваши письма, ваши заметки не играют ключевой роли в разгадке вашей проблемы?
- Я просто устал копаться в прошлом. Я хочу, чтобы его не было.
- Желаете отменить свои действия, совершенные ранее?
- Да.
- И забрать все свои слова?
- Так точно.
- И перестроить всю существующую, сложившуюся жизнедеятельность вокруг вас?
- Было бы не плохо.
- Аккуратнее с желаниями, молодой человек. У них есть одно коварное свойство...
- Весь во внимании.
- Сбываться.

Ночное randevu в одном зашторенном кабинете.

- Чего он хочет?
- Забыть своё прошлое.
- Бред какой-то.
- Вот и я о том же.
- В голове не укладывается. Такой прогресс, такой длинный путь... и всё насмарку.
- Да уж. Этого можно было ожидать пару лет назад... но сейчас... это какое-то безумие.

– (Хах) безумие... что мы знаем о делирии... сколько хороших и порядочных людей лечатся в частных и государственных учреждениях психиатрической направленности. И сколько настоящих безумцев гуляет на свободе.

– Послушай... а может оно это... того... в смысле, к лучшему всё?

– Что!?

– Ну обожди. Давай побудем хоть немножечко реалистами. Отбросим все наши запутанные схемы. Вот представь: он отказывается от прошлого. Да, звучит не очень оптимистично. Да, из этого произрастут определённые трудности. Безусловно. Но в дальнейшем...

– Ты не понимаешь, о чём говоришь.

– Прекрасно понимаю. Человека не устраивает сложившаяся конфигурация вещей. Он устал. У него закончились ходы. И терпение тоже. Он хочет закончить свой проект и перейти к чему-то новому... кто знает... может быть, очень даже полезному. Разве это грех?

– Грех не принимать свою сущность. Грех пасовать перед трудностями. Грех – забрасывать игру. Игрок должен играть, иначе его жизнь не имеет никакого практического значения. Закончить – да, довести до конца, пройти все уровни – это уважаемо. Но забросить вот так вот... на финишной прямой... это безумие.

– Но ведь у него много игр. Какая разница: одной меньше, другой больше. Стой, стой, стой – вижу, уже хочешь перебить. Я вот к чему говорю... да, очевидно, данная конкретная игра важна. Да, она несёт в себе, как ты выразился, «практический смысл». Да, она основополагающая. Но ведь основу можно поискать в другом. Как переехать в другой город. Или сменить компанию. Некоторым достаточно сменить футболку. Эту игру невозможно доиграть, и ты сам это прекрасно знаешь. Почему бы ему... не сменить фундамент и придумать новые правила. Как он всегда это делает.

– Потому что одно дело, когда человек сменяет вид профессиональной деятельности. Или вид спорта. Или кофе меняет на чай. Это ещё приемлемо. Но другое дело – базовый, первичный код. Если от него отказаться совсем... человек не выживет.

– Ну и Бог с ним. Если всерьёз задуматься над его стихами... да он и не особо-то горит всей этой жизнью. Ему вроде бы за счастье, если всё это поскорее закончится.

– Ты очень поверхностно изучал его произведения. А вот мы с доком перерыли все архивы. Сутками не спали.

– Ну поделись тогда с неразумным, где же вы с доком разглядели любовь к жизни? В каком конкретно месте! Там одна смерть. Безднадёжность. Серость. Мрак. Я знаю, знаю – ты покажешь мне вот эти вот псевдомотивационные аффирмации, которые нет-нет да и простреливают в его заметках. Но они ничего не значат, и ты сам это прекрасно понимаешь. Он их пишет «для галочки», для разбавки репертуара, но не из-за каких-либо серьёзных позитивных убеждений. Он вообще не оптимист.

– Я даже не собирался доставать весь этот бред про «прекрасный завтрашний день» или «лучшее впереди на нашем правильном пути». Ни в коем случае. Тут ты прав: он сам в них не верит.

– Ну, о чем же тогда речь?

– О депрессивных. Внешне да... мрачненько тот ещё. Но если углубиться в содержание...

– И что же там? За абиссалью непроглядной мути (хах).

– Жизнь.

– Какая там может быть жизнь!? На поминках и то веселее.

– Жизнь не обязана быть веселой. Но настоящей – однозначно.

– По-твоему, настоящая жизнь – это серые тучи, холодные ветра и пешеходы в семь утра? Не смей меня. Если бы он любил свою жизнь, он не напивался бы, как свинья. И уж точно не чудил бы.

– Пьянство оставим за кадром. Все мы не святые. А вот...

– Нет, подожди! Я знал, что ты снова захочешь соскочить с этой темы! Его пьянство – это самый что ни на есть главный катализатор всех наших бед. Если бы он не пил в таких объемах, ничего бы этого не произошло! Как и той встречи... между прочим.

– Разница между тобой и им заключается в том, что он принимает свою сущность. По крайней мере, до сегодняшнего дня принимал... а ты вечно пытаешься выставить всё в лучшем свете, подредактировать, замести следы. Мне иногда кажется, что это тебе нужна помощь, а не ему.

– Я пытаюсь? Это ты верно подметил! Я днями и ночами надрываю свою задницу в попытках отговорить его, отвести в сторону, заставить почувствовать стыд за своё поведение! Я не хочу, чтобы он писал эти ужасы! Я не хочу, чтобы он постоянно попадал в эти курьёзные трагикомичные ситуации! Я вообще устал с ним работать. Это какой-то талант – находить приключения даже там, где их нет.

– Ты не его ангел-хранитель, чтобы спасать. У тебя другие обязанности. Но я же... отвечаю за баланс. А он канатоходец.

– Баланса не существует. Человека всегда будет тянуть в пороки. В грязную, животную клоаку. В низменность своих природных инстинктов. Без моей помощи – его бы и в помине уже не было. Как и нас самих.

– Баланс существует. Как в истории доктора Джекила и мистера Хайда. До поры до времени...

– Ну и чем всё закончилось?

– Это всего лишь книжка. Автору нужна была мораль. Вот он её и выскреб.

– Мораль тлетворна. «Поражение неизбежно»⁴. Как у Георгия Иванова.

– Тогда зачем же ты пытаешься перетянуть его из стороны в сторону?

– Мне нравится наблюдать за результатами своих действий. Оставить всё как есть – проще пареной репы. Наблюдение – не Бог весть какое достижение цивилизации. А вот влияние... да. Оно чего-то стоит.

– Твоё влияние слишком переоценено. Ты склонен думать: если прямо сегодня, он не пойдёт туда-то, не сделает этого, избежит таких-то последствий – что-то в корне изменится. Но на самом деле, ты просто отсрочиваешь время. Есть вещи, которые нужно осознать самому. Без потусторонней помощи. Без твоих подачек. Без какого-либо вмешательства. Только мозг способен изменить себя изнутри. Но никак не внешние раздражители.

– Без внешних импульсов мозг будет спать. Ему не потребуется производить работу над собой. Ему и так комфортно в том мире, который он создал для себя. Я же показываю ситуацию такой, какая она есть. Он волен выбирать между «за» и «против», но я всего лишь легонько корректирую ход действий.

– И в этом ты заблуждаешься. Его выбор складывается из страха и паранойи, но никак не из благих побуждений. Ты только подливаешь масло в огонь. Он боится и отступает в своих начинаниях. Но затем всё равно возвращается на этот путь. С новой силой. И, быть может, в гораздо худшем проявлении. Потому что он озлоблен на тебя. Или на «некое нечто», помешавшее ему в прошлый раз довести дело до конца.

– Если всё так, почему же тебя не устраивает его решение, отказаться от игры? Ведь на сей раз, я в это не влезал. Он сам пришёл, он сам об этом заявил! Моего влияния тут ни на грамм.

– Это меня и огорчает. Я знаю, что это не твоих рук дело... я знаю. В этом и вся беда.

– Ну так что же? Давай оставим всё как есть. И будь что будет.

– Я бы и рад согласиться. Я бы очень этого хотел. Но только не в этом случае.

– Но почему!?

⁴ Произведение Г.В. Иванова «Друг друга отражают зеркала»

– Потому что новой игры не будет. Он сдаётся.

– Откуда тебе знать? Он снова тебя надурил (хах). Ты повёлся на всё это «упадничество». Ну прямо как док. А в итоге: он оформит блестящий кульбит, сыграет так, как тебе и не снилось. Как и всегда...

– Нет, дружище. Боюсь, что не в этот раз.

– Тебе тяжело это принять, потому что ты всего лишь наблюдатель. Ты только и делаешь, что бубнишь себе что-то под нос и записываешь. Ты не работаешь в полях, как я. Прошерстить архивы... уважаемо. Провести дифференциальную диагностику... браво! Высший пилотаж! В этом вы с доком похожи. Теоретики чёртовы! А вот провести с ним хоть один день из жизни, познакомиться с ним по-настоящему! «Пройти по тем фронтам, в которых смог пройти он сам» – слабо?

– Не смей в меня тыкать! Ты инфантилен! Ведёшь себя как ребёнок. Никто тебя не заставлял работать в «полях». Это не входило в твою должностную инструкцию! Твоя работа соблюдать баланс, удерживать свечу в горящем состоянии! А теперь она тухнет! Воск вытек! Такова твоя цель? Таков результат твоей помощи?

– Нам нужен четвёртый. Мы никуда не придём в своих спорах.

– Не смей к нему обращаться! Мы справляемся! Если ты перестанешь гадить там, где мы едим – я что-нибудь придумаю.

– Нет. Все твои: «придумаю, додумаю, проанализирую» – формалистика чистой воды. Ты просто напишешь отчёт о проделанной работе и заискивающе подытожишь, почему мы не справились. Ты всегда так поступаешь. Это не он сдаётся, а ты.

– Хорошо. Обращайся к четвёртому. Только не смей приплетать нас с доком. Это твоё решение. Неси за него ответственность.

– Можешь быть спокоен.

* * *

Из архивов, датируемых 09.10.2019:

«Моё прошлое нынче не в счёт,
И помянуто только лишь лихом,
На рулетке всегда выпадает нечёт,
Когда ветер зовёт себя вихрем.
Потускнело, ушло, испарилось с росой,
Разорвав на куски мои планы,
Как патрон в пустоту, опосля, холостой,
Словно вход в мою душу – парадный.
Уходи, не зову, не гляжу, как сова,
Озираясь на всякие звенья,
Моя жизнь не бывает уж слишком нова,
Но теперича меньше сомнения.
И теперь впереди, не какой-то там свет,
Не манящая, дальняя пристань,
Я усвоил урок и запомнил совет,
Не использую больше – софизма.
Никакой вам игры, не дождётесь уже,
И запутать вас, больше не в силах,
Доставайте вино, наполняйте фужер,
Ожидания, все ваши – мимо.

Заселяйте трибуны, тащите еду,
Безалаберно пользуясь чванством,
Но ведь я вдалеке и уже не приду,
Забавлять стало тягостно вас-то.
И ведь дело не в том, что я вовсе не тот,
Не спешите крепить своё мнение,
Не бросаю я вас, как голодных сирот,
Просто вы никогда мне не верили.
Посмеяться, расслабиться, это-то да,
В этом всякий, с рождения, лучший,
А потом всё забыть, словно с гуся вода,
Сполоснуть свои мысли как кружки.
И, пожалуй, не спорю, вам всяко видней,
Ведь с любимым я о жизни кумекал,
Но куда цветёт не полынь, не сирень,
Вам никак не понять человека.
Потому что в себе – глубоко взаперти,
Вы до боли, до слёз одиноки,
Я всего лишь хотел бы, вас опередить,
Помешать кинуть в зеркало – дротик.
Я такой же породы, из тех же краев,
Мы когда-то ведь двигались вместе!
Но поверьте, я съел прошлогодний паёк
Я уже целый год, как на пенсии.
Я желаю вам всем, от всего естества,
Осознания сущности зримой,
И гоняться, как псам за хвостом, перестать,
В бессознательном и коллективном.
Я желаю того, чтобы каждый сумел,
Приобщиться к душевному зову,
Мы, по сути, равны, уникальные все,
Но не все же понять это смогут.
То, что было вчера, оно умерло, жаль,
Не зовите меня прошлым ветром,
Я в тени, но ведь я остаюсь наблюдать,
Беспристрастно и так незаметно».

5

– Зачем ты приперся ко мне?
– У нас возникли «некие» разногласия.
– (Хах) не мудрено. У кучки дилетантов всегда возникают «разногласия» и непосильные трудности. Не умеешь – не берись. А уж взялся за грудь, делай что-нибудь. Тебя в детстве не учили?

– Сейчас не до твоих нравоучений. Помоги мне.

– Тебе или «вам»?

– Только мне. Этот вместе с доком – два сапога пара. Будут сидеть сложа руки до Второго Пришествия.

– Чего же ты изволишь?

– Я всего лишь хочу убедиться, что я прав.

– В чём же?

– Мне кажется, что наш пациент задумал нас надурить. Он выдал что-то там про отказ от прошлого, про выход из игры... я в это не верю.

– От чего же не веришь?

– Потому что не такой он человек. Он трикстер, джокер, дракон, в конце концов. Он не может просто взять и уйти. Золото некому будет охранять. Готэм останется без злодея. Бэтмен повесится от скуки.

– Я ненавижу твои метафоры. Не умеешь – не берись. Говори прямо! Что тебя беспокоит?

– Мне кажется... всё будет хорошо. Он откажется от прошлого, выкинет ненужный кусочек из своей памяти. И построит новый мир. Пуще прежнего.

– А ты оптимист. Ну и? В чём же проблема?

– Эти двое считают, что отказавшись от прошлого он потеряет своё настоящее. И всё закончится.

– Оно в любом случае закончится. Хочешь ты этого или нет.

– Да. Это правда. Но не так. Не таким способом. Если бы игра была выиграна – исход был бы логичен и понятен. Если бы проиграна – тоже. Но если отказаться от игры совсем... мне кажется... это возможно... но эти двое...

– Вот зачем ты прибежал. Хочешь, чтобы я тебя утешил? Укрепил твою веру в себя? Боюсь, ты не по адресу. Сила действия – равна силе противодействия. Сколько бы ты ни тянул его в другую сторону – результат останется тем же. Ты зря тратил своё время. Нужно было оставить всё как есть, с самого начала.

– Вот я и хочу оставить всё как есть прямо сейчас! Мне кажется, что всё будет хорошо.

– А раньше не казалось?

– Раньше я думал, что могу на что-то повлиять. Исправить. Переиначить. А теперь...

– Теперь не веришь в свои силы?

– Не совсем. Мне кажется, будто прямо сейчас, лучшее что я могу сделать – это понаблюдать и не вмешиваться.

– Прямо как эти двое?

– Нет. Я хочу быть заранее уверен, что ничего плохого из этого не выйдет. Хочу быть спокоен. А эти двое... бюрократы.

– Они выполняют свою работу. Нравится тебе это или нет. Если всё закончится плохо, они смогут доказать свою непричастность. А вот ты уже не сможешь. Деятель хренов.

– Ладно. В глубине души... я не уверен в своей правоте. Меня и вправду страшит его решение. Но у меня опускаются руки. Попытаюсь повлиять на ход событий – могу усугубить. Буду сидеть как они – могу сильно поплатиться за это.

– Ты в безвыходном положении. Я знаю, зачем ты пришёл. Хочешь, чтобы я вмешался? Хочешь, чтобы за тобой прибрались? Не дождёшься.

– Я прошу у тебя только одного. Когда он решится стереть своё прошлое – убирай не целый кусок. Убери только один день. Я смогу залатать эту брешь.

– Вижу, ты не собирався сидеть сложа руки. С самого начала ты хотел вмешаться. Просто на сей раз, чуточку умнее. Наш пациент многому тебя научил.

– Да, он однозначно внёс свою лепту в моё развитие. Хочу отплатить ему той же монетой.

– Фу, какая гадость. Благими намерениями – вымощена дорога в ад. В чём он, действительно, тебя надурил (и я ему аплодирую), так это в том, что ты поверил, будто одного дня будет достаточно. Но ведь это не так!

– Я знаю, знаю... история, причинно-следственные связи, тёмные материи. Я в курсе. Но ведь катализатор этой истории только одна конкретная ночь. Уберём её... и, быть может, ничего страшного не случится.

– Ты сам говорил, что катализатор всему алкоголь. Его ты чем уберёшь? Сколько дыр придётся залатать в этом случае?

– Я ненавижу алкоголь. И презираю его всем сердцем. Но... он существовал всегда. И не только в истории нашего пациента. А вообще всегда. Во всех культурах, во всех этносах и во все времена. Он фундаментален. Нет смысла с ним бороться.

– Хорошо. Уже теплее. А одна ночь? Предположим, я уберу именно её. Вместо восьми месяцев. Что случится тогда?

– Он не сойдёт с предначертанного пути. События будут развиваться в нужном русле.

– Почему же ты так в этом уверен?

– Потому что жизнь простого обывателя предсказуема. «Делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть»⁵. «Дают бери, быют беги». Обыватели не отличаются особой «гениальностью». И широтой жестов. Они просто живут. Заводят семьи. Работают... умирают в конце концов.

– Такую судьбу ты для него присматриваешь?

– Нет. Но этого хочет он сам. Таково его глубинное желание. Почему бы хоть раз в жизни не поступить так, как хочет он?

– Потому что не жизнь он себе новую подыскивает. Он сдаётся. И эти двое тебе прямо об этом и сказали.

– Я в это не верю. Сотри только одну ночь. Не забирай всё. Дальше я сам разберусь.

– Мой тебе совет. Возвращайся-ка ты лучше в архивы. Но не ищи там, где ищут эти двое. Не копайся в философии – в ней чёрт ногу сломит. Бери самое простейшее, самое очевидное. В ней ты найдёшь свои ответы. Прощай.

Безусловно, третий не мог не обратить внимания, как его визави сморщился на фразу «ненавижу алкоголь». Хотя казалось бы, в пьянстве никто из них замечен не был, да и не знали они толком друг друга. Изредка пересекались «по работе».

* * *

Из архивов, датированных 19.03.2017:

«Расскажи, словно ночь затихает с рассветом,
И когда в облаках первый птичий косяк,
Расскажи мне о том, и ни слова об этом!
От чего же в глазах я настолько иссияк?»

⁵ Цитата Теодора Рузвельта

Почему дым редет и в небо дугой,
Растворяет твой день, и минута, как час?
Я хочу прикоснуться, ещё раз рукой,
Лишь легонько задеть и закончить рассказ.
Мне ещё пару лет и побольше ночей,
И прошу не кричи, уходящему в даль,
Ты же вспомнишь меня, не смыкая очей,
Ведь во сне я кружу с тобой медленный вальс.
Я как бездна твоих не забытых стремлений,
И мне жаль, что я сам, утопал только в них,
За спиной столько взоров и вздохов падений,
И спустя столько дней, наконец-то затих.
Бушевали стихии – огонь, ураган,
Разнося мои речи, сжигая до тла,
Я хочу все же спеть, свой родной Зурбаган,
А потом уже прах пусть разносят ветра.
Признаваться тебе каждый день в своих чувствах,
Пережить то, что было и дальше гореть,
Ты ведь знаешь, насколько живу я искусством,
Как давно я попал в его прочную сеть.
Нерушимы устои и принципы в общем,
Никогда не скажу, что слова – не мои,
Я оставлю ещё один... маленький прочерк,
И когда замолчу – вот тогда позвони!
Впопыхах, неожиданно, но долгожданно,
Расскажи от чего так не спится тебе,
И спроси почему, никому не отдам я,
Ни кусочка души, что так верен мечте.
Моя жизнь, как картина – палитры иссохли,
На руинах построен мой замок в горах,
Не предавший тебя, не продавший инсомнию!
Но оставивший гордость не только в словах.
А когда пожелаю спокойного сна,
Будь уверена, точно, теперь меня нет,
Ты прости, что так рано, но мой час настал,
И пора завершить в небесах мой пикет».

6

- Как вы могли это упустить!
- Что именно?
- «Расскажи».
- Ах это... мы знаем его.
- И?
- Что и? Хорошая работа. Приятно читать.
- Мне иногда кажется, что мы преследуем разные цели. Я только начал копаться в архивах и уже нашёл «ЭТО». А ты так спокойно на это реагируешь?
- А что я должен сказать? Я читал его. И не один раз. И док читал. В чём проблема?
- В дате!
- Март две тысячи семнадцатого, если мне не изменяет память.
- Вот именно!
- Да к чему ты клонишь?
- Девушка, которой посвящено произведение! Это не та же самая дама, о которой всё время шла речь. Ты знал это? Отвечай!
- Знал. И что с того? Какое это имеет значение в нынешней ситуации?
- Самое что ни на есть принципиальное! Произведение не поверхностное! Не для галочки, не для красного словца! Оно личное! Но вот ведь незадача – адресат этого произведения другой! Тебя, действительно, ничего не смущает?
- Не хочу тебя огорчать, но там много таких. Будь это всё так просто... один образ, один человек, одна любовь, одна морковь... мы бы тут не сидели.
- Я в курсе, что женщин много, но есть существенная разница. Фундаментальная структура должна быть одна, а все остальные – наслоения. Корреляции. Междусобойчики.
- Э как ты запел! Ты меня поражаешь. Про фундаментализм решил поговорить? С какой это стати? Ты же сказал – уберём одну ночь и ничего страшного. Придумает новую игру, заживет пуще прежнего...
- Я думал, что игра ведётся только с той девушкой! Уберём её – получим профит! Откуда мне было знать, что есть ещё одна?
- Ты же знал, что их много, не придурыйся.
- Я не об этом. Остальные да, свою лепту внесли. Безусловно. Но в данном случае... у меня складывается ощущение... что обе эти девушки равнозначны...
- Я говорил тебе с самого начала, игра может вестись с кем угодно. И с тобой, и со мной, и со всеми сразу. Ты никогда не узнаешь точно – какова конечная цель. И есть ли она вообще. Ты можешь только апеллировать фактами. Чем мы и занимаемся с доком. А ты воюешь с ветряными мельницами. Носишься из-за каждого пустячка. То тебя алкоголь не устраивает, то чрезмерное самолюбование. Ты что, святой что ли?
- Мне срочно нужен док.
- Валяй. Он скажет тебе то же самое.
- Посмотрим.

По ночам доктору не свойственно спать. Натура он творческая, скажем так, тонко настроенная. Ночью самое время для фривольных размышлений, опытов и экспериментов над собой и внешним миром. И в этот раз, он тоже не спал.

- Как вы могли от меня это скрывать?
- Скрывать что?
- «Расскажи».

– Тебе с самого начала говорили, посещай архив, читай, ищи. А ты только вчера проснулся.

– Я думал, у вас всё под контролем. Не хотел в это лезть с головой.

– Ну вот и результат.

– Я думал, что наша цель – довести игру до конца.

– Верно. А что не так?

– С кем мы играем, чёрт подери!?

– Ты же знаешь.

– Уже не уверен. Я знал его... вчера, позавчера... год назад. А сегодня уже не уверен, что знаю.

– Из-за какого-то стишка?

– Не просто «стишка». Вы говорили, что все отклонения заранее заложены в конечную стоимость. Про НДС и прочую ересь. Но данное произведение не выглядит, как отклонение. Оно вообще про другую игру!

– Вот оно что. Страшно стало? А ведь ты хотел выкинуть всего одну ночь...

– Откуда мне было знать! Я думал, что при всей из ряда вон выходящей непостоянности есть хоть что-то фундаментальное. А теперь... меня снова надурили...

– (Хах) Забавно. Но не принимай так близко к сердцу. Я и сам был склонен ему верить. Иногда мне казалось, что ещё чуть-чуть, и я ухвачу его за хвост. Но каждый раз... трикстер, ей Богу.

– Он самый. Самая подходящая формулировка. Но что с этим делать?

– Не позволить ему отказаться от прошлого. Чего бы нам это ни стоило. Ты говорил с четвёртым?

– Да... я просил выкинуть всего одну ночь...

– Ты идиот! Надеюсь, он не воспринял твою глупость всерьёз?

– Я не знаю... он послал меня в архив... я нашёл «расскажи». Я... я запутался.

– Попробуй уяснить себе раз и навсегда: любая (абсолютно любая) заложенная программа в человеке не является конечной. И не является единственно верной. Если ты думаешь, что жизнь нашего пациента изменилась за одну только ночь – ты сильно заблуждаешься. Она бы изменилась в любом случае. И никакая ночь над этим не властна. Даже самая лучшая.

– Я не понимаю... я правда не могу уяснить. Он был другим человеком до двадцать пятого декабря. И мысли другие, и идеи. Даже образ жизни. Всё было иначе. Как вдруг... всё поменялось в одночасье...

– Верно. Но не впервые.

– Были случаи до?

– Конечно. Менее интересные. Но случались.

– И вы молчали?

– Эх... послушай меня. Твоя задача – иметь дело с тем, что уже есть. Что находится перед твоими глазами. Не копайся в событиях до 25 декабря. Забудь про них. Считай, что их и не было. Твой кусок – только последние шесть лет.

– Вот я и выкопал!

– Чудесно. Но это не то.

– Почему?

– Потому что игра, которую ты нашёл, не влияет на него глубинно. Да, конечно, она сильнее остальных, матёрее, коварнее. Но изнутри – её значение преувеличено. Он и без неё останется тем, кем он является. А вот без той самой... интересующей нас... рухнет всё. Можно сказать, целый мир.

– Я не согласен с вами обоими. Я вижу потенциал, я вижу что-то большее, чем просто «матёрее, коварнее». Вы отбросили эту идею, потому что вам так было легче. Вы бюрократы.

Вы не умеете работать в полях. И лишние поиски вам ни к чему. Вам бы побыстрее закончить отчёт. А уж что там будет в итоге... вам плевать.

– Возвращайся в архив, если хочешь доказать свою правоту. Пока что это пустые слова.
– Я докажу.

* * *

Из архивов, датируемых 15.05.2020:

«Уверенный шаг в горизонт,
Меня на земле держит время,
Есенинский друг – Мариенгоф,
Во мне, по старинке, болеет.
Безудержный, глянцевого мир,
По старым тропинкам петляет,
Моё остаётся моим,
За грустью не еду в Челябинск.
Держал твои статные плечи,
Не хрупкие и не хрустальные,
И вновь удалился далече,
Моими они и не стали бы.
Смотрел в зеркала твоей сущности,
Как в око бездонной души,
Лелеял какие-то глупости,
Себя возвышал среди мужчин.
В речах допускал абберрации,
Неточности и тавтологию,
Тебя воспевал, как Констанцию,
Заметь, даже это я помню.
Не долго, не коротко всё-таки,
Как вечность текли наши встречи,
За пояс язык мой задернутый,
Кирия, всё жёстче и хлеще.
Я пафосный – только для галочки,
Известен своей театральщиной,
Но всё-таки знаете, мало ли,
Бываю смиренным и вкрадчивым.
Манерный до нужной градации,
До точки одной лишь – кипения,
Умею, поверь, улыбаться я,
Улыбка моя, как у Берии.
Я мог бы восторженно клясться,
Что ты моя Гиперборея,
Что нету достойней формации,
Зубами скрипя, как у Берии.
Мы в самости слишком уж разные,
Хотя понимаем всё шепотом,
И в чувствах своих недоразвитых,
Мы путаем вечное с временным.

В единых своих коннотациях,
Глупейших и кем-то навеянных,
Ты знаешь, нам с духом собраться бы,
Но сделать сего, не посмели мы.
В великой, могучей истории,
Сюжет наш под стать – эпопее,
Смеялись, ругались и спорили,
Но сделать хоть что-то не смели мы.
Мне жаль, что бессовестно поздно,
Закат наш приблизился рдяный,
Держусь за тебя, как за остов,
Но фильм наш остался не снятым.
Нелепо, но так очевидно,
Сжигаю мосты я и корни,
Два слова витают в квартире,
По буквам шепчу – буду помнить...».

7

Мне точно не кажется. Я не схожу с ума. Есть ещё одна девушка. Мы просто не брали её в расчёт. Игнорировали. Эти двое – круглые болваны. Но я докажу. Я всё им докажу! Я приду к четвёртому и... хотя... погодите-ка! Зачем мне четвёртый? Я сам проверю свою додумку. Но как... Людям свойственно обманывать не только других, но и самих себя. Они склонны заблуждаться. Теряться в своих теориях и заблуждениях. Я уверен, в данном случае, дела обстоят точно так же. Ещё одна девушка может и не фигурировать в его будущем. И не влиять на него прямо сейчас. Но быть может... она ключ к его прошлому... связующее звено? Интересно. Если я повлияю на его отношение к этой девушке? Допустим испорчу, что изменится? А если укреплю? Или возведу в новый абсолют? Что тогда? Что из этого лучше? Мне нужно с кем-то посоветоваться... с доком? Нет, он пустозвон. С этим? Нет. Он резонёр. С четвёртым? Мимо. Его не интересуют вопросы такого рода. Значит, я один? Как знать, как знать... Может сам пациент мне поможет? Вряд ли... он обманет. Никогда не скажет прямо. Скажет что угодно лишь бы не то, что ты ожидаешь. Но подождите-ка... он говорит правду, когда люди думают, что он шутит... и чем страшнее правда, тем громче люди смеются... вот оно... сейчас, сейчас... Что он говорил про свадьбу? На ком он собирался жениться? Вот же оно! Я точно помню – не на той, что встретил двадцать пятого декабря. Но это какой-то бред. Мне нужен док.

Кабинет его не пустел никогда. Люди ломились толпами. Хотя не был он из ряда вон выходящим специалистом, скорее самоучка недоученный. Интересно было наблюдать, как он с умным видом выслушивал своих пациентов. Какие слова подбирал. В каких метафорах выражался. Подход у него был один: найти основную проблему и отбросить всё лишнее. Дифференциальная диагностика. Он искал первопричины. Генезис заболевания. Часто грешил психоанализом, но не перебарщивал. Занимал сторону пациента по мере необходимости, но чаще оппонировал ему. Много курил. Любил выпить. К женщинам относился потребительски. Был разведён. Слушал русский шансон. Дверь кабинета вероломно распахнулась.

– Док, я нашёл доказательства. Ознакомься.

– Уже читал.

– Это ещё не всё. Помнишь, он говорил про свадьбу?

– Да.

– А помнишь кого он назначил себе в жёны?

– Господи, Боже ты мой. Хватит, дружище, я прошу тебя. Хватит. Не ходи больше ни в какой архив. Тебе вредно перенапрягаться.

– Почему вы не хотите принять очевидное? Что вам мешает?

– Всё. Каждая деталь этой истории. Каждый миг. Каждый взгляд.

– Что с ней не так?

– Она ненастоящая. Это мистификация.

– Девушка реальна. Я нашёл все документальные подтверждения.

– Не девушка иллюзорна, а сама история. Как бы тебе это объяснить... она тоже выполняла определенную роль в этой «пьесе». Но целью никогда не являлась. Игра с ней – это как игра со мной. Интересно, местами блистательно. Даже заманчиво порой. Но не фундаментально. Мне жаль, что ты не можешь этого понять. Или не хочешь...

– Почему ты в этом уверен!? Откуда у тебя такие сведения! Где твои доказательства?

– А за ними не нужно ходить в архив. Она ему не снится. Он не говорит о ней, как о чём-то важном и нужном. Он вообще упоминает её только в каких-то конкретных, определённых случаях. Но мир свой вокруг неё не выстраивает. То, что ты прочитал, да, имеет место на

жизнь. Это даже романтично, в конце концов. Но это слишком маленькая часть его жизни. Уберёшь её... и ничего не изменится.

– Грустно, что ты так считаешь.

– Так считаю не только я. Но и второй, и наш пациент. И девушка, на самом деле, сама того же мнения. Только ты видишь в ней что-то из ряда вон выходящее. Выброси её из своей головы.

– Я не могу... понимаешь... он не выдает своего искреннего отношения к людям. Он загадывает загадки. Но здесь прослеживается нечто большее, чем просто ещё одна «игра».

– Когда человек был действительно важен – он написал о нём прямо. Без прикрас. Он даже имя употребил! (Что вообще не в его стилистике). А здесь... подставь кого угодно и точно не промахнешься. Я знаю о ком идёт речь, я знаю эту девушку, я знаю их историю. Но это... как же тяжело это объяснить...

– Это, это! Что это? Вымышленный карикатурный персонаж, наделённый всеми необходимыми чертами, соответствующими жизнедеятельности нашего пациента? Иллюзия в глубине здорового умысла? Пир во время чумы? Если бы он преувеличил её значение – я бы понял. Если бы он выделил её на первый план – картина была бы маслом! Но он сделал всё, лишь бы вы двое отмели её разом, как нечто «несущественное». Он замёл свои следы! Вот послушай:

* * *

Из архивов, датированных 23.06.2020:

«Когда её не станет в моей жизни,
Я знаю точно – жизнь моя не рухнет,
И словно гром, приму я этот выстрел,
Она была моим ближайшим другом.
Мы не были, как кошка и собака,
Мы не были полярны и различны,
Я часто на мозги ей чем-то капал,
Но не было во мне злодейских мыслей.
Мы часто говорили до упада,
Пока она молчала – я ей пел,
Я ждал её, как люди ждут зарплату,
И новости тащил ей на хвосте.
Мы часто совершали моционы,
По городу, который нас толкнул,
Я ею был до фибров оцифрован,
И лапками тянулся, как манул.
Я с нею был таким красноречивым,
В ушах её гремела моя речь,
Я с нею был податливым, учтивым,
Но пьяным я разил её, как меч.
Скандалил, и как змейка извивался,
Тянул ей своё яблоко Адама,
Запомнила её моя терраса,
Я жизнь бы подарил ей свою даром.
Проходит время, дни сменяют годы,
Ответственность – немыслимое слово,
Мы были с ней близки и так знакомы,

Но метры между нами стали прорвой.
Не стало хуже, нет, всё стало чётче,
Проекция детальна, до молекул,
Спросили бы меня: «Чего-то ждёшь, же?»
А я всё жду того, чего и нету.
В придуманной моей мультивселенной,
Дорога к счастью, быть не может узкой,
Но сколько ты о сказках не кумекай,
На деле мы, как высохшее русло.
Мы с нею, впрямь, детей не покрестили,
И вместе не построили хибару,
Слова её не смогут стать моими,
Да я и заставлять её не стану.
Всё то, что невозможно – это выбор,
Я сам пишу всю жизнь свою Гертруду,
И нас осенний дождь уже не смысл бы,
Она была моим ближайшим другом».

– Ну, вот видишь? Её не станет, а я приму. «Она была...». Понимаешь, была! Но не «есть», не существует прямо сейчас! Он отказался от неё. Данная идея не занимает его рассудок. Это законченная история. Это пройденная игра. В этом принципиальная разница между двумя девушками. И не только между ними, но и вообще между всеми людьми. Кто-то остаётся, как незакрытый гештальт... незавершенный акт... не «прерванный полёт»⁶. Кто-то сохраняет свой потенциал для дальнейшего развития. А здесь его нет. Наш пациент сложен, многофактурен, многолик, в какой-то степени. Но времени он зря не теряет. И если он сам не верит в игру – он в неё и не вступает.

– Кто закончил игру с этой девушкой? Кто довёл её до «логического» завершения?

– Я не знаю. У меня есть предположения. Но там такой непроходимый лес... все эти домыслы, тройные смыслы, подводные камни... шутки взаправду и правда, как шутки... в этом невозможно разобраться. Даже наш пациент отказался от этой затеи. Куда уж нам... бюрократам, как ты нас величаешь.

– Это ошибка. Отказавшись от данной идеи, вы совершили большую ошибку. Игра не закончена. И наш пациент это знает... просто он не позволил вам в этом покопаться. Он вовремя изменил правила. Я вижу чистейший гамбит: наш пациент, якобы, преследует ферзя, но в конце концов поставит мат самому королю. И никто из вас не будет этого ожидать.

– Он не шахматист. Посмотреть пару фильмов, прочитать тройку книжек – ещё не значит стать Бобби Фишером.

– Это не шахматы. Всего лишь метафора к ним. «Когда ты сказал первый раз – я поверил. Когда во второй – я засомневался. Когда ты начал меня убеждать – я понял, что ты лжёшь». Ты обманываешь меня, док. Ты знаешь гораздо больше, чем хочешь вытаскивать наружу.

– То, что я знаю, входит в мою систему координат. То, чего я не знаю, меня не расстраивает, ибо то, о чём ты мне твердишь – не является нашей проблемой. Это хорошая игра. Но она уже сыграна. Мы имеем дело с любовной зависимостью, связанной с совершенно другим человеком, понимаешь?

– Но почему ты так уверен в другом человеке! Что если... я не знаю, как это правильно объяснить...

⁶ Произведение Марины Влади «Владимир, или прерванный полёт»

– Он пришёл с конкретным запросом. Назвал определённые обстоятельства. Выдал весьма серьёзную детализацию. Я знаю, что я делаю.

* * *

Из архивов, датируемых 05.01.2020:
«Жаль, что ты меня не полюбила,
Жалко, не со мною ты была,
В этой жизни я – твоё мерило,
Я – твоя звучащая струна.
Жаль, что мы с тобою не сдружились,
Жалко, что не любим без причин,
Я хотел, чтоб кончился мой ГИТИС,
Я хотел в итоге стать ничьим.
Так и получилось в одночасье,
К этому вела моя судьба,
Мне бы, погудеть ещё хоть часик,
Мне бы, не вставать уже с утра.
Мы делили многие секреты,
Наши были думы обо одном,
Лишь бы спутник наш, остался верным,
Лишь бы не тащить невзгоды в дом.
Семьи, может дети, может счастье,
Может быть гармония в душе,
Только для потехи всё же час есть,
Делу же, так много, что Бог весть.
Дом – хотя бы милый и уютный,
Добрые затеи, пустяки,
Дом – пушай хоть замок или юрта,
Ты хоть всё бывшее отсеки.
Мир, в глазах любимых и знакомых,
Доброе, чтоб помнилось добром,
Чтобы не стучали злые орды,
Чтобы был надёжным наш покров.
Мы порой мечтали в унисоне,
Многого сказать и не пришлось,
Я пишу не лирику, а сопли,
Мне ли дислоцироваться чтоль?
Суть, любой трагедии и драмы,
В том, чтобы хоть кто-то их заметил,
В том, чтоб отыграли все, как в нарды,
Вовремя сгорели чтоб, в моменте.
Смысл наших дней был примитивным,
Честно говоря, его и нет,
Если бы мне крылья привинтили,
Я бы без раздумий улетел.
Если бы хоть что-то окрыляло,
Если бы не падал без конца,

Я бы, не кирил с какой-то лярвой,
Я бы, обязательно восстал.
Знаешь, наши дни неумолимы,
Всё, что происходит – не критично,
Если мы не трупы в формалине,
Значит до сих мы чем-то дышим.
Сладкая бескрайняя свобода,
Многих молодых ещё пьянит,
Будет набиваться наша торба,
Будут сокращаться наши дни.
Грустно, но вполне рационально,
Люди удаляются куда-то,
Ты во мне забыла того парня,
Ставшего подобием, фракталом.
Я забыл, и я не извиняюсь,
Я забыл, но я и не виню,
Встретимся в местечке безымянном,
Может быть, на пятом авеню.
Встретимся, присядем и расскажем,
Краской заливаясь и акрилом,
Если я действительно был важен,
Что же ты меня не полюбила...».

8

– Вы не любите свою жизнь?

– Нет, не люблю.

– Почему же?

– Я неудачник.

– А в чём проявляются ваши неудачи?

– Во всём.

– Например?

– Я ненавижу свою работу. И любую работу, на которой я присутствовал – ненавидел всем сердцем. Ненавижу вставать рано утром, ненавижу выполнять чьи-то поручения, ненавижу за что-то отчитываться. Ненавижу, и всё.

– Только работу?

– Нет. Я ненавижу свою прокрастинацию. Берусь за огромное количество дел и ничего не довожу до конца. Перегораю и забрасываю. Берусь за новые... и снова та же песня. Я неусидчивый, непоследовательный, непостоянный. Мне очень быстро наскучивает любая деятельность. Я иногда даже фильмы не досматриваю до конца. И книги не дочитываю.

– А должны?

– Да, конечно. В глубине души мне хочется везде успевать, достигать чего-то, преодолевать. Осилить. А я... всё забрасываю.

– Это всё?

– Нет. Я ненавижу свой алкоголизм. Он изводит меня. Забирает последние силы, жалкие крупинки рассудка. Эта болезнь... она многогранна. Сколько стыда она мне принесла. Сколько ненависти. Огорчения, разочарования. Он всегда меня находит, он всегда появляется из ниоткуда и делает только хуже.

– Так говорите, будто он и впрямь живой?

– Да, что-то в этом есть. Алкоголизм – это бесполое, прожорливое, неуёмное существо. Ему всегда мало. Он всегда тебя ищет и всегда находит. Пусть не сегодня... но день настанет. И я знаю это. И ничего поделать с ним не могу. Я его принял. Но ненавижу себя за это принятие. Алкоголизм – это слабость.

– Вы бы хотели, чтобы его в вашей жизни не было вообще?

– Когда-то хотел. Но сейчас... всё слишком запутано. Без него – я уже не я. И нету ничего без него. Ни радости, ни восхищения. Ни побед, ни поражения. Это зависимость. Это рабство. Добровольное рабство. Наручники я надевал сам. И ключ я выкинул тоже.

– Почему вы это сделали?

– Вы читали моё эссе от 03.08.2022?

– Да, конечно. Но давайте снова освежим в памяти...

«Две тысячи девятнадцатый год выдался жутким. На моей памяти такого безобразия (тьфу-тьфу-тьфу) не случалось ранее. Да и опосля не случалось. Всё потерялось. Всё ушло. Я дрейфовал по бескрайним пучинам пьянства. Честно говоря, сам не помню, как вернулся в норму. Помню лишь, как мы провожали тот злополучный год. Но обо всём по порядку.

Первым потрясшим меня событием – было расставание с девушкой. Буквально первого января, ночью. Это было неприятно. Как будто живую плоть отрезали. Как будто кусочек души ушёл в небытие. Как будто привычный мир треснул. Так оно и было. Сложно определить по человеку, который всё время пьяный, что он о чём-то усердно рассуждает. Но уровень моего

размышления, на тот момент, был невообразимым. Я был в себе. В прямом смысле этого слова. Всё происходящее снаружи оставалось незамеченным. Я выпивал каждый день. Виски, водку, вино, пиво. Всё, что горело – всё выпивал. Старался не думать. Но думал ещё больше. Ничего не мог написать. Мысли не собирались в кучу. Год только начался, а я уже прихрамывал. Девушка была мне дорога. Я хотел на ней жениться. И детей хотел. И семью. У нас были планы на эту жизнь. У нас был свой собственный внутренний космос. Всё ушло в небытие. Назад дороги не было. Впереди – какая-то серая клоака.

Я остановился на пару недель с середины января, но затем, спустя ровно столько же дней – вернулся к распитию. Вернулся в Энгельс. Пил с кем-то. Пил один. Двенадцать дней подряд. Блевал. Приезжал к деду пьяным. Уезжал, чтобы продолжить пить. Ночные кошмары не давали уснуть. Я хотел уйти в армию. Затем трезвел – никуда уже не хотелось. Сил не было. Будущего не было. Расставание не выходило из головы. Вернулся в Москву. Лёгкая передышка.

Спустя неделю, по возвращению, чем-то заболел. То ли воспаление лёгких, то ли гайморит. Температура, апатия, кашель, сопли – всё как полагается. Ударился в медитацию. Отыскал произведения ОШО. Уверовал в какой-то степени. Купил чётки. Две недели ни с кем особо не разговаривал. Целыми днями смотрел лекции Раджниша, учился останавливать мысли. Иногда получалось. В голове нарисовался компот из христианства, буддизма, санньясы, дзена и ещё Бог знает чего. Но мне нравилось. Я искал поддержку во всём. Когда выздоровел, с медитациями покончил, но учения санньясы остались глубоко в подкорке. Я до сих пор возвращаюсь к ним, когда приходит их час. Но тогда я попытался поездить в институт. Получалось через пень-колоду. Ничего толком не хотелось. Только читать и что-то смотреть. Кататься по МЦК часами напролёт.

Весна подходила к концу. В последних числах апреля у деда началась деменция. По счастливому стечению обстоятельств я оказался в нужном месте и в нужное время. Это была чистейшая случайность. Я никогда не видел его таким. И никого не видел в таком состоянии. У него был какой-то приступ. Я успел вызвать врача. Был поздний вечер. На следующий день, он как будто бы поправился. Мы немного пообщались. Всё было, как всегда. Бдительность усыпилась. А ещё через день его мозг перестал отвечать сам за себя. Дед перестал быть тем дедом, которого я знал всю свою жизнь. Он не помнил того, что было вчера. Не понимал: где находится, как он здесь оказался, кто все эти люди. Он забывал моё имя. И остальные имена. Мы понимали, что необратимый процесс запущен. Старость взяла своё. Всем было тяжело это осознать. Я потерял близкого друга. Соратника. Протеже. Мы были неразлучны много лет. Он всегда принимал меня таким, какой я есть. Всегда хвалил за любую мелочь. И не корил, даже за самые неказистые поступки. Он был человеком невероятно доброго сердца. Спокойного нрава. Доброжелательной направленности. По крайней мере, по отношению ко мне. Я был его новым смыслом жизни, после смерти бабушки. Он видел во мне второго сына. Я не соответствовал ни одному из положенных мне критериев. Я его любил, но проявлял свою любовь неподобающим образом. Я так и не успел рассказать ему о значимости его персоны в моей жизни. Как много он сделал. Как много вложил в меня. Чему научил и что созидил. Я думаю о нем каждый

день. Деменция забрала его рассудок. В мае две тысячи девятнадцатого года я смотрел на него и чувствовал, что на «один смысл, стало меньше жить»⁷.

Через месяц я вернулся к пьянству. На сей раз я сыграл по-крупному. Пил тридцать дней напролёт. Появились жуткие боли в желудке. Иногда блевал кровью. Гости в моей квартире сменялись каждый день. Когда никого не было, я пил сам с собой. В голове была девушка, с которой мы расстались полгода назад. И дед. Иногда мне казалось, что я уже не проснусь. По истечению месяца я вызвал врача, и меня увезли на скорой. Прокололи какие-то препараты. Ничего серьёзного не было. Какая-то форма гастрита плюс ещё что-то. Я умолчал о распитии. После больницы пару недель не употреблял алкоголь. Затем вернулся в игру. Но уже другим. Боли остались со мной. Физическое здоровье разделилось на «до» и «после». Месяц я бы уже не пропил. Хотя желание испытывал невероятное. День трезвости был невыносим. Мысли вгоняли в депрессию. Я читал о смерти. Много читал. Смерть казалась мне чём-то привычным и чуть ли не соседским. Мы как будто бы заочно подружились.

В конце июля или в середине августа я узнал о тяжёлой болезни своей «девушки». Мы не встречались официально. Но были очень близки. У нее обнаружили рак. Честно говоря, я не поверил. Она не выглядела больной. Напротив. Больным был я. Худоба, круги под глазами, забитые вкладки в Яндексe, повествующие о смерти, жуткие боли в желудке, невроз, тремор, панические атаки. А она была чуть ли не счастливой. Точнее такой, какой она была всегда. Доброй, спокойной, улыбчивой. Новость о болезни не ударила по ней. Ей показалось это временной трудностью. Забегая вперёд, скажу, что она прожила ещё полтора года. Но на тот момент ей казалось, что всё поправимо. Я поражаюсь её самообладанию. Мне таких качеств не хватало. Я посещал её в больнице. Онкологическое отделение вызывало смешанное впечатление. Одни молились. Другие плакали. Третьи смеялись. Эта девушка была из третьей категории. Она не боялась. И во что-то верила. Хотя из нас двоих, верующим человеком был я, но это лишь на бумажечке. Воочию, она была куда более одухотворенная. У неё был смысл. Она имела цель на каждый свой день. А я воландался из огня да в полымя.

Осенью сменил специальность на своём факультете. Сменил компанию. Те ребята, с которыми я общался «до», были несильно пьющими и не шибко гулящими. Все состояли в отношениях. Все работали. Все к чему-то стремились. Я выбрал пьющих ребят. Бездельников и лоботрясов. Таких же, как и я. Но справедливости ради скажу, что работу я всё-таки нашёл (надо же было на что-то выпивать). Проработал недолго, несколько месяцев. Пил каждые два дня. Два на два. Больше не мог по состоянию здоровья. Депрессия не отпускала до самого Нового года. И затем... наступил две тысячи двадцатый. Лучший год в моей жизни.

"Однажды шторм закончится, и ты не вспомнишь, как его пережил. Ты даже не будешь уверен в том, закончился ли он на самом деле. Но одна вещь бесспорна: когда ты выйдешь из шторма, ты никогда снова не станешь тем человеком, который вошёл в него. Потому что в этом и был весь его смысл" – Харуки Мураками».

⁷ Отсылка к произведению Никиты Кондратенко «На один смысл меньше»

– Я вижу стечения обстоятельств. Череду совпадений. Цепочку из неудач. Но я не вижу вашего осознанного выбора во всём этом.

– Выбор был всегда. Пьянство не решило ни одну из этих проблем. Но местами... мне было легче.

– Вам стоило обратиться ко мне ещё тогда.

– Вот видите. Мне стоило бы... но я этого не сделал. Как и не сделал много чего другого...

– Что же на самом деле вас гложет?

– Та встреча. Двадцать пятого декабря.

– Наконец-то вы заговорили о ней сами.

– Вы спровоцировали меня. Ну что ж... сегодня я готов.

– Продолжайте, прошу вас.

– Шесть лет тому назад я познакомился с девушкой. При случайных обстоятельствах. Прямо скажем – романтических. В подробности вдаваться не буду (вы и сами всё прекрасно знаете), но суть в том, что это была любовь. Настоящая, искренняя. По крайней мере, мне так кажется. И знаете, она не была королевой красоты. И выдающимися чертами не обладала. Да и вообще... много всего неправильного было в ней. Но другая мне была не нужна. Она мне подходила. Она меня устраивала. Я был очень счастливым человеком. Иногда вот просыпался с мыслью: «Ура, сегодня мы снова увидимся! Слава Богу, что есть она», – и многое из этой серии. Я не искал кого получше. Я не сравнивал. Я вообще не копался в себе. Я просто жил. В моей жизни был смысл. На каждый день недели. А потом... он исчез.

– Но пить вы начали не сразу, насколько я понимаю.

– Нет, я пил уже тогда, но не так сильно. Ещё пару лет продержал эту зависимость под контролем.

– Как вам удавалось?

– Появилась другая. Не лучше, конечно, но смогла её заменить. Как мне казалось... но, когда мы расстались, я понял что нет. Всё равно вспоминал о той самой.

– И затем, в каждом декабре, у вас появлялась новая?

– Да, всё верно.

– Вы их любили?

– Нет. Просто терпел.

– Вы кого-нибудь любили после? По-настоящему?

– Нет. Ни разу.

– А хотели бы?

– Нет.

– От чего же?

– Не хочу омрачать светлую память. И не верю я: во вторую, третью, пятую любовь. Любовь бывает только одна. Всё остальное лишь слабые инсинуации... казусы... междусобойчики.

– За что вы не любите свою жизнь?

– За то, что я не справился пять лет тому назад. И больше не справлялся никогда. Что-то там сломалось. Механизм нарушился.

– Вы как-то говорили, что стали гением, не так ли?

– Да, всё верно.

– Написали кучу работ. Столько стихов, эссе, песен... некоторые из них, действительно, мне понравились.

– Мне не нужны эти стихи. И вся эта никчёмная беллетристика. Мне вообще уже ничего не нужно.

– Хотите вернуться в прошлое? Или стереть его совсем?

– Да, хочу.

- А что с вами случится тогда?
- Я писал уже об этом.
- 15.08.2022?
- Да, всё верно.

«Сейчас бы вернуться в тот июнь две тысячи семнадцатого года. В ту квартиру одноклассника, в тот момент распития спиртного – увидеть себя, звонящего отцу и крикнуть: «Не делай этого! Не говори, что не поедешь! Не важно, потом объясню, просто скажи ему, что всё будет хорошо, на абитуру поедешь, вещи собираешь. Да не задавай ты лишних вопросов. Просто делай, как я говорю, потом всё узнаешь». И этот я, из прошлого, не сильно бы удивился. Не поверите, но я всегда спокойно относился к подобным метафизическим вещам и, если бы мне довелось встретить себя прошлого или себя будущего, я бы отделался легким недоумением. И обязательно принял бы совет старшего. Разве я могу себе не доверять?

Потом я бы встретил себя прошлого у подъезда, когда тот останется один. Свидетели явно не нужны, они бы не поняли. А он бы понял. Он бы почувствовал. Я уверен. Я бы сказал ему: «Дружище, я знаю, что сейчас тебе кажется, будто ты совершаешь ошибку, будто на самом деле тебя ждёт лучезарная, богоподобная жизнь в университете, что ты блестяще его окончишь, приедешь на свой выпускной на чёрном майбахе, и с тобою будет твоя Анька. Ты заблуждаешься. Прости за шокирующую информацию, но это мистификация. Ничего подобного, рядом стоящего с тобой, не произойдёт. А вот, что будет на самом деле...

Лето ты проведёшь неплохо, но уже с небольшой долей метания. Ребята уйдут в военное училище. Ты поступишь в университет. Отдашь себе краба, за то какой ты умный и хитрый, всех развёл: год поступал и на последнем этапе соскочил. Блестящая игра – ты будешь собой гордиться. Уже в июле ты поедешь на дачу (я помню этот момент, будто это произошло вчера) с бутылкой водки, энергетиками и колой. Совсем один. Весь вечер будешь общаться по телефону то с одной, то с другой, то с третьей... о чем вы будете говорить? Честно, я не помню. Но это будет первый твой день, когда ты займёшься водкой один. Без компании. Там и начнётся твой новый путь...

Ты вернёшься в Москву в конце августа. Аньку ты не удержишь. Это была заведомо проигрышная ставка – и сам ты об этом уже догадываешься. Хотя и пытаешься убедить себя в обратном. Твоя интуиция всё ещё работает. Но обожди... всему своё время.

В спорт вернёшься в сентябре, но, к огромному сожалению, совсем ненадолго. Ты сломаешь плечо. Вывихи тревожили тебя и до сей поры, но, к сожалению, на этот раз всё будет серьезно. Спорт останется сном. Хотя ты и будешь совершать попытки возвращения, непродолжительные, но всё-таки попытки. Уважаю. Затем твоё общение с новой пассией приведёт к отношениям. С той самой, с которой ты пол ночи общался тогда на даче, по телефону за водочкой. Не спеши радоваться. Груз твоего разочарования предыдущими отношениями неумолимо задавит твою нынешнюю любовную историю. Ты будешь сравнивать. Ты будешь бояться. Каждый твой день будет наполнен страхом потери. Ты начнёшь крутиться. Убеждать себя в том, что больше такого кульбита с тобой не произойдёт – ты начнёшь усиленно поглощать психологические тексты о взаимоотношениях между людьми. Они тебе не помогут... извини. Груз твоих предыдущих отношений окажется

сильнее. Страх сожрёт тебя с потрохами. Ты во второй раз сломаешь плечо. Затем тебя ждёт операция. Затем короткий выдох... и ты встретишься с две тысячи девятнадцатым годом. Он будет очень тяжёлым. Ты свихнёшься. Не хочу пугать тебя заранее, обрисовывать картины неминуемого будущего, но пока лишь могу сказать: он тебе очень сильно не понравится. Ты его запомнишь. Да не переживай ты так, у нас же вводная лекция – этого может не произойти, или ты иначе сможешь его воспринять, если кое-что сделаешь... но об этом потом.

Плечи станут твоей ахиллесовой пятой. В ближайшие пять лет ты больше не сможешь накачаться до таких же размеров, какой ты сейчас. Ты почувствуешь себя раненым. И вот тут-то тебе на помощь придёт твой «старый друг». Вы станете неразлучны. Ты будешь спускать на него все деньги, ты будешь страдать от головных болей, ты угрозишь себе желудок, ты влезешь в сотню, если не тысячу глупых, опрометчивых историй. Иногда ты будешь просыпаться... всё понимать, всё осознавать. Начинать заново. Но каждый раз, ты будешь сталкиваться с безысходностью. Алкоголь вцепится в тебя мертвыми клещами, и уже ничто не сможет вас разъединить. Ты думаешь я шучу? Посмотри на меня, посмотри повнимательнее. У меня болит всё. Я худой. Я питаюсь мелатонином, чтобы уснуть, когда не пью. Я ем кучу обезболивающих, потому что у меня безумно раскаляется голова. Но дело не только в здоровье.

Ты будешь работать в разных местах. От самых неблагодарных до вполне себе сносных. Сейчас тебе кажется, будто работать можно вообще где угодно, лишь бы платили, и было чем заняться по вечерам. Это не так. У кого-то получается, но у тебя не выйдет. Ты будешь уходить. Под любым предлогом. По первой же появившейся причине. Ты будешь бежать со всех работ. Они покажутся тебе слишком «скучными», слишком «тяжёлыми», слишком не «достойными» тебя. Ах да, это сейчас ты ещё «почти самый умный», но обожди... совсем скоро станешь самым-самым. Да чему ты радуешься? Самый умный – это значит самый безнадёжный. Настолько умный, что все эти «мирские забавы» из разряда: посещать офис с понедельника по пятницу – покажутся тебе чем-то немыслимым. Опять смеёшься. Зря. Очень зря.

Энгельс не навсегда останется твоей тихой гаванью. Это сейчас, возвращаясь обратно, ты чувствуешь удовлетворение. Потому что ты ещё не зависим от алкоголя. Ты ещё можешь чему-то радоваться. Но обожди... всему своё время. Однажды ты вернёшься и будешь пить. Просто пить. Без разбора, без колебаний и раздумий. Ты будешь пить и каждый раз уезжать ещё более больным. Туда, где тебя ждёт очередное распитие...

Да не пугаю я тебя. Не страшая. Просто посуди сам: ты не собирался поступать в университет, ты уже согласился на военное училище. У тебя нет профессии в голове. У тебя нету цели. Ты поступишь туда, куда подойдут твои предметы по ЕГЭ, но это будет ошибкой. Тебе не понравится эта специальность. Она тебе наскучит в первый же месяц. Ты выберешь попроще, полегче, но ты не выиграешь... я тебя уверяю. Ничего ты не выиграешь.

Сейчас ты любишь, и это прекрасно. Ты делаешь это интуитивно. Без лишнего нагромождения, без додумок, без домыслов. Но обожди... так будет не всегда. Ты начнёшь разочаровываться в женщинах. Каждая новая будет хуже предыдущей. Ты постоянно будешь о чем-то думать. Ты будешь бояться. Этот страх, который ты испытываешь сейчас при возможном расставании с

Анькой – ничтожен, по сравнению с тем страхом, который ждёт тебя впереди. Это сейчас ты можешь просто расстаться. Просто разойтись и начать новые отношения. Ты ещё не запрограммирован на уничтожение. Но дальше... ты начнёшь разрушать всё, что будет тебе попадаться под руку. Ты будешь их ненавидеть. Ты будешь искать их недостатки, пороки, подлые проступки. Ты станешь чёртовым сыщиком! И это большая проблема, потому что ты больше не сможешь получать полноценного удовольствия от отношений. Они станут бесполезной пристройкой к твоему алкоголизму. Любовь умрёт. Ты убьёшь её.

Отец всё равно не забудет твой поступок. Годами он станет терроризировать тебя армией. По началу ты станешь объяснять, мол: «Ничего, сейчас еще пол годика, и сам удивишься, каким я стану успешным». Не станешь. Прости меня, дружище. Не станешь. Отец будет вспоминать этот день, когда ты позвонил и сказал, что не поедешь в военное училище. Он никогда не сможет этого принять. Он никогда от тебя не отвяжется. Сейчас тебе кажется, будто это мелочи, но, поверь, когда ты не сможешь показать ему результат своего пятилетнего пути – тебе самому станет страшно. Ты и сам будешь себе не рад.

Университет пройдет. Пройдут ещё одни бессмысленные отношения. Пройдёт ещё одна операция на плечо. И однажды ты проснёшься в такой жутком, таком непоправимом отчаянии: «Господи, что же я наделал!», – но будет уже поздно. Никакой Аньки уже не будет и в помине. Никакого светлого университетского будущего не будет маячить на горизонте. Ни в какой спорт ты не вернёшься через месяцок. Ты будешь слишком старым, слишком больным, слишком «умным» для того, чтобы начать жить по-человечески. Никакие книги тебе не помогут. Книги отвечают на те вопросы, которые мы им задаём, но согласись: вопросы бывают разные. Я уже столько лет штудирую всю известную литературу с вопросом о смысле жизни. И у меня до сих пор нету ответа на этот вопрос. А тебе сейчас интересно: чем ты займёшься сегодня вечером и куда вы пойдёте с Анькой. Ты чувствуешь разницу?

Я понимаю, сейчас тебе кажется, что всё ещё впереди. Что молодость бескрайняя, здоровье нескончаемое. Шансы выпадают каждый день, мечты сбываются, надежды оправдываются... но обожди. Скоро ты встретишься с отчаянием. Школа закончилась. Время пошло против тебя».

И он мне скажет, на белом глазу: «Вау, это у вас такой снюс в две тысячи двадцать втором году, а дашь попробовать? В смысле я не женюсь на Аньке, ты что мужик – я уже всё спланировал, полный порядок, после поступления съезжу в Энгельс, а потом начну свою новую успешную жизнь». А я отвечу: «Да, Вань, ты всегда так говорил. Сколько я тебя помню. До восемнадцати лет. Завтра первый миллион, послезавтра Дон Периньон. Но сегодня, тебе придётся пересмотреть свои планы. То, что я тебе рассказал – чистейшая правда. Это я ещё не затронул две тысячи девятнадцатый год, но об этом позднее...».

И тогда, взвесив все «за» и «против», осознав, что единственное, что мешает ему поехать в военное училище – это всего лишь Анька, он скажет: «Хорошо, мужик. Даже если так. Даже если я в понедельник поеду на абитуру. Даже если я не соскочу с этого поезда... что тогда станет с тобой?».

«А я исчезну, Вань. Не поверишь, я наконец-то исчезну. Или же, если верить теории мультивселенной, я продолжу жить своей жизнью, барахтаться в своём собственном болотце, и кто знает... кто его знает... может я ещё что-то смогу в этой жизни. Но одно остаётся бесспорным. В тот день, пять лет тому

назад, я мучился вопросом: уж не совершаю ли я большую ошибку? Может мне всё-таки стоит принять свою судьбу такой, какая она есть? Один единственный раз. И никуда уже больше не бежать. Я пришёл к тебе, чтобы всё исправить».

– Но, в итоге, вернуться вы хотите не в июнь две тысячи семнадцатого?

– Нет. Хочу в декабрь две тысячи шестнадцатого. Начало было положено там. Хочу всё исправить.

– Не смею вас отговаривать, но считаю своим долгом предупредить – последствия вашего возвращения непредсказуемы. Отменив ту встречу, вы отмените всё, вытекающее из неё. Все события, все ситуации. Все эмоции. Это опасно. Возможно, вы не вернётесь обратно.

– Понимаю. Но это лучшее, что я могу сделать. Единственно верное.

– Вам наскучили ваши игры?

– Меня тошнит от них. Я больше не в силах в них участвовать.

– Я вас понимаю, на самом деле. Искренне понимаю. Каждый из нас, хоть раз в жизни, встречался с разочарованием лицом к лицу. Но далеко не каждый из нас готов рискнуть всем, чтобы отдать то единственно важное, чем он дорожил много лет. Свои воспоминания. Вы хотите проиграть дважды.

– Я не думаю об этом, как о поражении. Я всего лишь хочу всё исправить.

– Исправиться можно даже в том времени, в котором вы живете. Необязательно подвергать смертельному риску всю свою жизнедеятельность. Достаточно – просто... принять себя. А потом и мир, окружающий вас. А потом судьбу... а затем...

– Вы говорите со своей колокольни. Вы никого не любите и гордитесь этим. Вы всё время пьёте и считаете это благом. Вы курите одну за одной... вы умираете на глазах. Мы в чём-то похожи, не спорю, только я не считаю свою жизнь – благом. Я не считаю, что человек рождён для того, чтобы пить и вести бесконтрольные половые связи. В моей жизни есть идея. Представление о том, какой она может быть. А ваша жизнь... сплошной материализм.

– Я не стану обижаться на ваши колкие замечания. Мне, действительно, не требуется любовь, чтобы почувствовать себя лучше. И в пьянстве я нахожу сплошное веселье. Приятное времяпрепровождение. Моя жизнь имеет смысл, и я не тянусь к таким верхам, как вы...

– Я рад, что мы с вами откровенны. Надеюсь, наши разговоры конфиденциальны.

– Конечно. Это профессиональная тайна.

– Тогда я уйду сегодня пораньше. Мне нужно успеть подготовиться. В прошлое попасть нынче очень тяжело. Мы же не в рассказе Рэя Брэдбери.

– И Слава Богу, что мы не в нём. Не хочу превратиться в обезьяну ненароком.

– Прощайте, доктор.

– До свидания, уважаемый. До скорых встреч...

* * *

Из архивов, датированных 09.12.2019:

«Дело не в наградах и не в регалиях, парень,
Это лишь бумага, что однажды выцветет.
Дело в том, что, однажды, нас всех не станет,
И за нами лишь право – остаться в избранных.
Я никогда не был примером, и не был премьером,
Я всего лишь пропойца, дурманный кудесник,
Но я делал своё, за ревушую сценой,
Не оспоришь меня, не оспоришь, хоть тресни.

Я никогда не любил подражать чьим-то судьбам,
И карьера меня, хоть убей, не влекла,
Моя жизнь – она в целом, великая сумма,
Покраснела, как будто бы чья-то свекла.
Я пеняю на рок, я пеняю на шарм,
От чьего-то дурного разгона событий,
Но при этом, ведь я не могу подражать,
Судьбам тех, кто увы, не поддался развитию.
Я возрос, превозмог свою трусость и боль,
И сегодня лишь я, сам себе собеседник,
Моя старая, милая, древняя роль,
Задышалась в петле, как подвешенный пленник.
Но уже я не тот – я уже слишком стар,
Я теперича самый ревнивый ответчик,
На суде мы сидим, не Вольнов, а One Love,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.